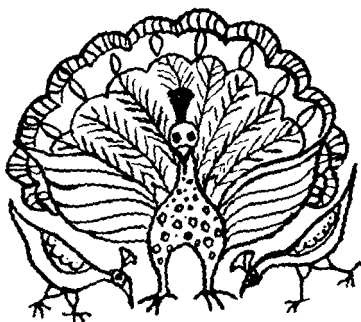

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1980

ЭРКИН ВАХИДОВ
УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Стихи

Перевод с узбекского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1980

В поэзии известного узбекского поэта Эркина Вахидова, лауреата премии Ленинского комсомола республики, привлекает ее широкий тематический и жанровый диапазон. В книге гражданские стихи соседствуют с философской и любовной лирикой, пейзаж с бытовой зарисовкой, ирония и шутка с глубоким раздумьем о смысле и цели бытия. Это придает книге особую цельность, а читателю дает возможность наиболее полного представления о многогранности таланта ее автора.

Художник *Е. ШКЛОВСКАЯ-КОРДИ*

70403—394
В _____ 305—79,
083(02)—80

4702570200

© Перевод на русский язык
Издательство
«Советский писатель», 1980 г.

1

ПРОШЕДШИЙ ДЕНЬ

* * *

Весна, наряжаясь
Как праздником, занята делом,
Где ласковый бархат,
 где пестрое маков рядом.
А круглое солнце, как повар, под облаком белым
Урючные ветви зажгло,
Кукурузное жаря зерно.

Последние сны — невеселые — в небе растают.
Захлопают листья,
Проклюнутся в поле ростки.
В кустах соловей
 засвистел и защелкал, листая
У розы, расцветшей навстречу ему, лепестки.

Сегодня в природе заботы счастливые:
Очи
 бутоны раскрыли —
 цветами бы стать поскорей.
И травку украсть у голубки медлительной хочет,
Гнездо оснащая для новых птенцов, воробей.

По рыхлому полю,
 взвалив на щедушные плечи,
Влачит муравей непомерного веса зерно.

А поле клокочет, пульсирует,
Льется, лепечет,
Сверкает ручьями,
До самого неба — черно.

И слышится мне,
 как об осени щедрой стихами
Слагает земля.
И такая над ней благодать!
И так глубоко — беспредельно — земное дыханье,
Как женщины той,
Что готовится матерью стать.

РАССВЕТ

Привстав на цыпочки и глянув
На мир, объятый темнотой,
Художник-солнце
 рой туманов
Развеял кистью золотой.

Одел — до кустика — долину
В зеленый, желтый, синий цвет,
Любовно оглядел картину
И так назвал ее:
Рассвет.

Играет лучик солнца на щеке
У яблока —
 задорно и румяно.
Небесная безмерна глубина,
И, как душа, светла
Голубизна.
Простор в саду цветистом бытия.
Глаза открою —
 и куда ни гляну:
Все утреннюю свежестью сквозит,
Веселием весеннего тепла.

Прекрасен мир,
 о, как прекрасен мир!
Сладка его и доброта и строгость!
Остаться здесь.
Не покидать его.
По солнечному двигаться лучу.
Когда склонились розы предо мной,
Как хочется мне каждую потрогать!
Хочу я распуститься — расцвести! —
И музыкой осыпаться хочу.

Раскрыв глаза,
 в которых ярок свет,

Я мир увидел —
Солнечным и четким.
И все, что в нем, все было им и мной,
Все было мной —
Без мысли о конце.
Тюльпанов звонких разноцветный смех,
Задорных яблок розовые щеки,
Бутонов молодое естество —
С застенчивой улыбкой на лице.

Когда один,
 когда совсем один
Я в ночь вхожу — под праздничные звезды,
На белый лист,
На чистый, как душа,
Роняет муза светлые слова.
Когда как музыка,
Как песня жизнь —
Напоен шепотом цветочным воздух! —
Кто в воздухе весеннем не поэт,
Под звездами вдохнув его едва...

Нам жить дано,
Живя, дано любить
В объятьях жизни этой неустанной,
Что вечным солнцем,
 прелестью цветка
И счастьем, и надеждою светла.
И потому, куда ни посмотрю,
И потому-то, в чьи глаза ни гляну:
Все утреннею свежестью сквозит,
Веселием весеннего тепла.

ПОМЕРКШИЕ ЗВЕЗДЫ

Долгожители,
Странники,
Искры вселенской капели
За окном рассверкались —
И ночь беспредельно светла.
Сколько лет — миллионы — вы жили:
Горели,
Горели.
Сколько лет — миллионы! —
Как вы догорели дотла.

Кто мне скажет,
 что нет вас —
Роящихся вечным круженьем?!
Негасимых,
Как жизнь,
Как весенняя песня скворца.
Вы земные глаза
Увлекли неземным притяженьем,
Неземным напряженьем
Прониклись земные сердца.
В бесконечные ночи,
В бессонные ночи
 нередко,
Не включая огня,

Но при вашем извечном огне,
Вспоминаю прапрадедов,
Неумирающих предков,
Что, померкнув,
 как вы,
Никогда не померкнув во мне.
Что горели, светясь,
В беспредельных
 вселенских потоках,
Что, сгорев, не померкли,
Достойные
Звездной родни.
Сколько лет — миллионы! —
Пути освещает потомкам
Свет высоких лучей,
Что зажгли над землю они.

Спросил я раз учителя об этом,
Наивно постигая бытие:

— Скажите,

 если кружится планета,
Как люди не посыплются с нее? —
Учитель, помню,
Взял ведро с водою,
Изобразив собой земную ось,
Кружил...

 Над головой его седую
Ни капельки воды не пролилось.
Спросил меня:

— Ну как?.. Теперь известно? —

Прошли года.

И в счастье, и в беде

Мир кружится, как то ведро из детства,

Я — капля в этой сдавленной воде.

Я — колесо,

Я — белка в нем, я — спица,

То подгоняем, то, других гоня,

Спешу и — вдруг! — хочу остановиться.

Но это не зависит от меня.

Ведро с водой

Ведет крутая воля.

Ее напор и помысел во мне.

Остановлюсь —
 мгновение, не боле! —
И высохну
От жизни в стороне.

Открытый мной
и не открытый мной
(Непознанный и познанный, нетленный!),
От мизерной песчинки до Вселенной —
Известный
и сокрытый за стеной,
Уму непостижимый —
Стороной
Таящийся,
И — вдруг! — обыкновенный
Великий мир,
я малая твоя
Частица смысла —
разума ли,
чувства,
Науки ли?
На муки ли искусства
Был обречен рекою бытия?
То жизнью я
меж волнами бегу,
То мыслями живу на берегу.

И страстность песни увлекает жить.
А сладость мысли — истине служить.

Что ж истина:
 раздумье или опыт?
Но главное; собой не дорожить.
И непокой,
 и свой бессонный шепот,
И сердца боль,
 невнятную уму,
Не отдал бы я в жизни никому.

ПРОШЕДШИЙ ДЕНЬ

У карагача двенадцать веток,
Лист упал, земле себя даря.
Это в прошлое уносит ветер
Жилистый листок календаря.

Что он дал? —
Строфу стихотворенья
И хирман на поле,
 сена стог.

Что оставил? —
Пену сожаленья,
Счастья ли искрящийся глоток...

Словно дети, боясь,
Что загонят их рано в кровать,
Дотемна пропадают,
Хлопот доставляя немало;
А уснут —

 не разбудишь:
Уснув, не желают вставать,
По утрам с головой
Зарываются под одеяло;

Словно летом, в жару,
Над желанной прохладной грядой,
Мы стоим,

 не решаясь
К прибою приблизиться с ходу,
Но мгновенье в воде —
И уже, наслаждаясь водой,
Мы не можем покинуть
Привычную,
Теплую воду;

Так, рожденный на свет
Из невнятного небытия,
Горько плачет наш брат
В роковые мгновенья заката:

Очень жалко ему
Покидать обжитые края,
Очень страшно ему
Возвращаться из жизни куда-то...

ГОЛУБЫЕ ЛУЧИ

Лунный город
 осенней ночи,
В каждом шорохе — тишина.
Что-то небу земля бормочет.
И волшебно молчит луна.

Волшебство это слышу, слышу —
Тишиною объят и тих,—
Словно я не под звезды вышел,
Словно сам брожу среди них.

Словно поздно —
 ужасно поздно,—
Ни души на улицах нет.
То ли спят все в мире подзвездном,
То ли замер весь белый свет.

Но горят фонари вдоль улиц, —
Свечат окна, в глазах рябя:
Каждый многоэтажный улей,
Лишь стемнело,
 ушел в себя.

В тот квадратик, что весь в иголках,
Голубого экрана луч,

Где зайчишка дурачит волка —
Изворотлив, лукав, живуч!

Тихо: слышно —
 ползет улитка.
Но в дома не вошел покой —
Из шестнадцати серий пытка
Пилит нервы тупой иглой.

Бесконечно терпенье наше
И доверье наших детей:
Кто-то горькой не минет чаши.
Штирлиц вынырнет из сетей.
Кто-то женщину ждет в объятья...

Только вечер посмотрит в окно —
Этот маленький аппаратик,
Это комнатное кино
Повергает нас на колени
Пред собой... И вдвоем, втроем
От усталости ли, от лени
Мы смеемся и слезы льем.

Но сегодня хотел я глянуть
Не в стекло, где теней поток,—
В очи жизни,
 в арыков глянец,
В лики улиц
 и в каждый цветок.

Чтобы звездным дождем одеться,
И бродить, пока не продрог,
Оттого, что струится в сердце
С неба сладостный холодок.

И один,
 как былинный воин,
Я один — в городской ночи.
Я спокоен.
И мир спокоен —
Голубые его лучи.

НА ВОКЗАЛЕ

Когда душа от тишины устала,
Томится — беспокойная — тоской,
Иду под своды старого вокзала.
В его прибой — водоворот людской.

Здесь, в суете, в колесном перестуке,
Бок о бок уживаются всегда
Волненья встречи и печаль разлуки,
Слеза и смех и радость и беда.

Здесь беглый взгляд так много обозначит,
Чужих сердец слышнее перестук.
И тепловоз то горестно заплачет,
А то, ликуя, вскрикивает вдруг.

Здесь все бурлит. Отливов не бывало.
И удивляюсь, и понять я тщусь —
Как небольшое здание вокзала
Вмещает океаны этих чувств.

МАЯТНИК КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ

А маятник все головой качает:
Как суетливы люди иногда!
Беспечные, они не замечают,
Как тают дни, недели и года.

Качает головою в укоризне:
Спеши, прохожий,
Путь не вечен твой!
Спеши, чтобы потом, на склоне жизни,
Не сожалеть, качая головой.

РЕСНИЦЫ

Растут ресницы стройно в два ряда,
Две пары строк бессонного поэта.
Моя судьба — и радость и беда —
Им встретиться мешает до рассвета.

Всю ночь из камня достаю цветок,
Из вымысла,
Из сущей небылицы.
Но — первый свет,
но — солнечный глоток! —
И я усну.
И встретятся ресницы.

СЕРДЦЕ ПОЭТА

Подобно гранату сердце поэта.
Стихи — это сок граната.
Надо поэту большое сердце.
Жалости к сердцу не надо.

Знает поэт, выжимая сок,
Что, наполняя чашу,
Жизни его истекает срок.
Капает, капает...
Каплет сок
В круглую землю нашу...

СТИХИ ПРО СТИХИ

Шутка

Рожденная в муках страница —
Опять досидел до утра.
Но автору здесь веселиться
Еще не пора, не пора!

Еще мне корпеть над тобою,
Родное дитя мое, стих.
Строку извлекать за строкою
Из месива слов черновых.

Но как-то. Однажды. Случится.
Негаданный выпадет срок.
Рожденную в муках страницу
Внесу на журнальный порог.

Войдем, как само вдохновенье
И гордость,
Как истины свет.
И встретит нас — весь умиление —
Сотрудник... он тоже поэт.

И я представляю неробко
Тебя от строки до строки.
А он вопрошает неловко,
Очки воздевая:
— Стихи?

Читает и в стол тебя прячет,
Свои продолжая дела.
Ах, знал бы ты, что это значит —
Журнальная крепость стола?!

Ты здесь наречен не стихами,
Ты весь обречен на провал:
Со всеми, как есть, потрохами
Ты меньше, чем «ма-те-ри-ал».

Напрасно ты грезишь отвагой —
Взорлить на усохшем крыле.
Шурши пожелтевшей бумагой
В редакторском прочном столе.

И если ты — слово о лете,
Готовься от стужи дрожать:
Сто раз обернуться планете,
Тебе же лежать и лежать.

Ах, был бы тот ящик могилой!
Так нет же — сумеют достать:
Ах, сколько людей тебе, милый,
Решительно выправят статью.

То — «слишком прозрачно»,
то — «мутно»,

То — «ловко,
Да истины нет!».
И если ты было «Про утро»,
То «Вечером» кончишь, мой свет.

И вот, наконец, многолицый:
Ни солнце, ни круглая печь —

Появишься ты на странице,
Чтоб души согреть и зажечь.

И я не узнаю калеки,
Лишь строчку, где имя...

Ну, две...

А критики станут орехи
Колоть на моей голове.

Друг другу задавши задачи,
Оставят тебя в стороне,
И в будущем — новой удачи! —
Желая побитому мне.

ВЕРНОСТЬ

По правилам,
 продумав,
 не сплеча,
Вскрыв корни древнего карагача,
Веревкой оплели его, тянули,
Ломали сучья черные и гнули,
Но он стоял, не дрогнув, долго
 в рост...
Потом упал — навтыяжку — как рос.
Лишь ахнул мир,
 как стал старик валиться.
Везли его —
И сыпалась земля,
Что он в горсти чернеющей унес.

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Собрав часы
И посадив на цепь,
К руке, казалось, время приковали,
Чтоб тикали секунды,
Куковали —
Часы! —
Прибили намертво
К стене.
Но время в нас,
Но время и вовне
Шумит неотвратимыми волнами,
Не катится доверчиво за нами —
Летит на необъезженном коне.

Остановить хотели мы его,
Беря на цепь, подвешивая гири.
Но время наше убегало прочь.
И хоть давили мы его подушкой,
Когда оно будило нас в квартире, —
Звенело время,
И кончалась ночь.
Запястье стянуто цепочкой золотой,
Кукушка из своей выходит дверцы...
Хоть уши затыкай —
биеньем сердца

Все то же время
С той же частотой.
То петушиный окрик заревой,
А то будильник —
переливом трели.
Попробуешь накрыться с головой —
Вышвыривает время из постели.

Хоть время поделили на недели
И на секунды изрубили той
Секундной стрелкой...

С той же частотой
Приходит солнце ширью голубою
И весело ведет нас за собою:
Стянув запястье цепью золотой.

ПАМЯТЬ

Не сожалею о том,
 что время замело:
В забвении высокая причина.
А вот болезнь — она неизлечима! —
Не забывать, что так давно прошло.

Ах, если все исправно забывать
Во благовремени,
Душа — сестра покою.
Пустою не истерзано тоскою,
Надежно сердце будет кувать.

И только т у я помню много лет,
В чьей памяти меня давно уж нет.

ЧАСЫ ОЖИДАНИЯ

Права
Теория Эйнштейна.
И секунда

Равна годам:
Возможно ль пренебречь
Секундой ожидания,
покуда

В ней все миры
Всех предстоящих встреч.

Мне душу
ожидания мгновенья

Томят,
Томят
В замедленности дня.
Машину времени бы мне,
чтоб время,

Сменяясь,
Так не мучало меня.
Страшнее жажды
Ожиданье ночи

и дня.
Но — без циклонов и зыбей —
В сто раз бедней,
В сто тысяч раз короче

Была бы жизнь —
Лишь это в ней убей.

Немыслимо:
Вкус жизни — в ожиданье.
Нам сладостен,
Священен каждый миг.
Вся жизнь моя —

страданье ли, свиданье —

Из ожиданий состоит,
Из них.

Рука в труде,
Мозг прозревает дали —
И свет в глаза
Из тех — небывших! — дней.

Мильоны лет
Мы с нетерпеньем ждали
Вот эту жизнь,
Как ждем — иную! — в ней.
Извечны ожиданья и стремленья.
Труда и бденья
Счастье нам дано.

Чем напряженней жаждешь ты мгновенья,
Тем сладостней, когда придет оно.

ГЛУБИНА

Поэтессе Зульфий

Нет, не в морях, где не достанешь дна,
А в людях мне открылась глубина —
В сиянье лиц, смеющихся счастливо,
В глазах, чуть-чуть прищуренных пытливо,
В словах, что зреют в нас неторопливо.
И с чем сравнить мне мудрость глубины —
Не с мудрым ли свеченьем седины
Тех, что прошли дорогами войны?
Я знаю, есть в сердцах моря страданий —
От долгих материнских ожиданий,
От черных дней мытарств и от скитаний.
Еще живут в сердцах, еще горчат
Былых пожарищ пепел, гарь и чад,
И раны старые еще кровоточат.
Но есть глубины стойкости и воли,
Есть мужество мечты — не оттого ли
Нас не согнуть любой беде и боли?
Нет, не в морях, где не достанешь дна,
А в людях мне открылась глубина.

СТАЛЬ

Она ковалась в копыя и забрала,
И в пушки отливалась,
И не раз
В мечи переплавлялась из орала,
И атомною бомбой взорвалась...

Но покорила мир
пером одним —
Тончайшим воплощением своим.

ПЛАНЕТЫ

Сноп солнечных лучей
В глубинах пыльных комнат —
Как Млечный Путь,
 как мрак,
Что иглами проколот.

В нем тысяча пылинок разлита.
И каждая — особою приметой —
Мне целым миром кажется.
А та,
Мелькнувшая — далекою планетой.

Своей судьбой, реальностью своей
Живут они в ином солнцевороте.
Что удивительного,
 если в ней,
В пылинке, жизнь,
Которой вы живете.

Космические ждут нас корабли,
Высокие — вселенские — заботы:
За истиной
Подальше от Земли
Земные уплывают звездолеты.

Как будто
на витках иных орбит
Все главное, что нам недосказали.
Тысячелетья человек глядит
В немую даль наивными глазами.

Не знает он —
В затмение ли ума,
В расчетах ли запуталась наука? —
Что мыслящей материи дана,
Быть может, форма света или звука.

Что жизнь другая, может,
вся и есть
Лишь камышинки шепот за рекою,
В рассветный час — рассвет! —
О смысле весть
Над только что рожденною строкою.

Иных существ,
И истин,
И идей
Не надо, развивая скорость света,
Искать.
В душе любого из людей
Таится населенная планета.
Что он ни открывает —
не предел.
Все тайны постигает он в природе.
Ах, только б человек не проглядел,
Как в нем из жизни человек уходит.

Без человека этот дом не мил,
Мудреная история безлика.

Лишь он — волшебный, первозданный мир,
Хотя, быть может, мир — всего пылинка.

Сноп солнечных лучей
В глубинах пыльных комнат —
Как Млечный Путь,
 как мрак,
Что иглами проколот.

МУРАВЕИ

Усердя пояском перетянувшись дважды,
Взвалив на горб сучок,
что выберет не каждый,
Роня пот,
Стараясь поскорей,
Несет свой груз домой
Трудяга муравей.
Весь день в трудах.
Весь муравьиный век
Влачит в трудах —
старательно и рьяно...
Нет,
Происходит не от обезьяны —
От муравья, пожалуй, человек.

* * *

Друзья,
Не пугайте детей,
 чуть шагнувших на пол с колыбели,
Что шайтан, мол, косматый по улицам бродит в ночах.
Чтоб потом, повзрослев, от испуга они не немели,
Настоящих шайтанов на этой земле повстречав.

Друзья,
Не учите детей
 равнодушию к смерти и крови,
Оградите от злобы их первые, светлые дни,
Чтоб потом, повзрослев, повстречавши людей на дороге,
Сами людям шайтанами не показались они.

Вместо твердого знанья
Природа — нетвердое знанье! —
Изначальное знанье влагала в живое нутро.

Нет, он не был еще ни творцом,
Ни хозяином звука,
Только слухом владел и, в трудах наживая лета,
Свято верил в искусство,
Которое тоже — наука,
Только больше, поскольку
Здесь прежде всего — доброта.

И мечтал он о встрече с творцом,
Чьи мелодии в сердце звучали,
С несравненным устазом¹
Свиданье счастливое звал.
Под волшебные песни его засыпал он ночами,
И под эти же песни — веселый! —
Он утром вставал.

А земля все летела,
Мелькала, вращаясь без меры.
И однажды случилось — не в поисках принятых благ,
Но на крыльях надежды,
Глубокой и искренней веры
Юный ангел невинности молча покинул кишлак.

Город встретил его не цветами.

И вовсе не встретил

Тот устаз, что в сердцах
И в веках проложил колею.
Только ангел был скромн — как ангел,—

¹ Устаз — учитель, мастер.

И он не заметил...
И чуть утро направился сам к своему королю.

Спал король поутру,
 отдавив себе толстое ухо:
Утомил короля заседаний немислимый труд.
Распростерши объяття,
Не встретил он ангела слуха,
Не спросил, ни откуда, ни кто он, ни как, мол, зовут.

Робко скрипнули двери —
Рассерженно хлопнули двери,
Да заливиный храп
Тяжело прогремел за порог.
Если Песня храпит,
 как держаться неопытной вере?
На земном пьедестале качнулся незыблемый бог.

И стоял, каменая,
Роняя тяжелые руки,
Ангел слуха и света,
Теряя безмерную высь.
— Неужели такие,— роптал он,— небесные звуки,
Эти гимны добру
В этом тупом родились?!
Неужели стихи —
 не умытые росами розы?
Это радости слезы,
Когда лепестки в серебре.

Было жадным желаньем — желанием жизни! —
К устазу
Первой песней прийти
По серебряной, белой заре.

Догорела мечта и упала слезою горючей,
Где еще до зари
Пролетала, крылами шурша.
Жертва случая — ах! — до чего неподвижный случай,
Что погас уголек —
И черна от безверья душа.

Слышишь, небо, зачем
не распутало черные сети,

Где и старцы как дети,
И дети черствы искони,
Почему эти два, эти ангелы,
Здесь на планете,
Не меж звезд — почему? —
На земле
Повстречались они...

И упала звезда
по какой-то из странных традиций,

По какой — звездопад —
Безотчетная, злая пора.
Может, Пушкин убит
на заре,
Перед тем, как родиться?
Может, Моцарт погиб?

Не имел ни кола ни двора...

НЕРВЫ

Нервы — будь ты стократ железный! —
Валят с ног,
Ужасают бездной,
Сна лишают,
Кошмаром душат
Души — будь ты стократ железный.

Нервы,
Нервы —
На сломе веры:
Гнев без меры
И свет без меры.
Верный проклят,
Прощен неверный —
Нервный хохот
И плач безмерный.

АБАЙ

Памяти великого певца Казахстана

В полуденном солнце колышутся белые волны:
Клубится песками

и плавится даль, выгорая.

От моря Аральского вплоть до Урала и Волги —

Пустыня сухая,

Куда ни посмотришь — без края.

Земля на ветрах доносила последнюю зелень,

Один солончак

рассевает тщедушное семя.

Неверные реки покинули древнюю землю

И русла — как руки свои! —

Протянули на север.

Там доли и боры

и птицы — лесные поэты.

Здесь — ветер бездомный,

Всеобщая чахлость созданий.

Мне кажется, край этот —

голые плечи планеты,

Предвечно натертые тяжестью наших страданий.

Как парусник смелый,

Ныряя в волнах океана,

В бескрайнем просторе,

не зная надежды и страха,

Не зная покоя —

В борьбе и любви постоянна! —

Лилась здесь одна бесконечная песня казаха:
«О бедный казах,
о нехоженный край,

Неуютный!
Кто в шубе роскошной —
На сытом верблюде
и сытый.

Кто в ветхом тряпье —
На земле ненадежной и утлой.
О бедный казах —
Изнуренный,
Веселый,
Забитый».

Лилась эта песня
души молодой и ранимой —
И кровью тюльпанов вскипала пустыня рябая.
Из самого сердца
Голодной и голой равнины,
От горя и слез начинается слово Абая.
Земля пробуждалась

от первого вешнего грома,
Тяжелое небо во тьме озаряла зарница,
С холмов на холмы просверкав,
как от дома до дома,

Горящая песнь
Вырывала из сумерек лица.
Акына глаза прозревали далекие страны.
И звуки камуза
исполнились истинной верой.

Певец умудренный
Услышал страданья Татьяны¹,
Любовь соплеменницы той же измеривши мерой.

¹ Абай перевел на казахский язык письмо Татьяны к Онегину.

И как соловей,
 что над розой уснул на рассвете,
Над влажным бутоном,
Еще не раскрывшим одежды,—
Он — в веке минувшем,
Со взглядом в грядущем столетье,
Он — старые песни —
Но вечные в песнях надежды.

ДЕВОЧКА

Сестренке Фирузе

Все с куклой, все над ней — баюкает, бранит,
Правдивый голосок — внушитель и звонок.
Сама как куколка,

серьезная на вид,

Она еще не знает, что такое быт,

Еще не знает, что она ребенок.

И кто ей объяснил,

что это не игра,

Кто жизни приоткрыл важнейшую страницу?

Она еще мала,

Ей, право, не пора.

Но, чтобы завтра стать хозяйкою двора,

Она, сопя, скребет сегодня половицу.

Безмерностью, что женщине дана,

Глаза твои, невзрослые, богаты,

Ни неба не предчувствуя, ни дна,

Все чувства материнские сполна

Уже в себя — откуда? — вобрала ты.

ОЗЕРУ КУББАН

Голос!

— Волосы распустив,
Клонится солнце печально:
Что там до поздней темени
Ищет оно на земле?

Эхо:

— Оно потеряло здесь
Зеркало как-то нечаянно...
О, не тебя ли, озеро,
Ищет оно во мгле?!

Чуть свет идет сосед —
трудиться ли, творить.

В руке его — платок,
 И узелок потуже
 Завязан на платке,
 Чтоб мысль не позабыть,
 А может, не забыть —
 Купить еды на ужин.
 Все, право, может быть
из четырех концов

Завязано в одном:
 Параграф ли доклада?
 Кому-то позвонить?
 Детишкам — леденцов?
 Всё в памяти держать
по узелочку надо.

Чуть свет встает сосед:
дела,
дела,
дела.

В руке его — платок
 И узелок на память.
 Но торопись, мой друг:
 Пути добра и зла —
 Круты и непросты,

И просто сердце ранить.
Жизнь — шелест ветерка! — стремительный,
о том,

Что снова и весна,
И гомон у вокзала.
На розу посмотри:

она тугой бутон,
Как будто узелок на память завязала.
И кто беспечен здесь,
спокоен в мире гроз,

Где розы и шипы,
Мосты и эстакады,
Где вечный строят мост,
Развязывает мозг
И истинных узлов
И ложных мириады.
И этот вечный мост,

и груз простых забот
Несешь ты на плечах —
ни сбросить, ни отставить.

И сердце все стучит,
покоя не дает —

Твой главный узелок,
Завязанный на память.
Не торопись, мой друг:

успеются дела!
И позвонишь еще. И будешь с леденцами.
Но новый день грядет —
Пора его пришла.

Готов уже платок твой с четырьмя концами.
Сегодня, как всегда,
проснешься ты чуть свет,

На полочки дела разложишь
И на полки.

Но будет день,

когда увидишь ты, что сед...

Ну, не совсем еще...

А по сердцу — иголки.

Что ж, правду говорят: не обмануть судьбу.

Живем, к конечным приближаясь датам.

Твоя жена заплачет

и ко лбу

Платочком прикоснется узловатым.

Ты станешь гаснуть трепетно,

и вот

Прокличешь сердцем в меркнушую заметь:

— А был ли я свободен от забот,

Хоть час прожил

Без узелка на память?

Вот и живи — покуда не трава! —

Наивным сердцем не корми тревогу.

Завяжутся в нем верные слова,

Как узелок платочка на дорогу.

2

СОКОЛ И ЗВЕЗДА

СОКОЛ И ЗВЕЗДА

Высоко, высоко
 над землей, над водой,
Что ни день горный сокол
Взлетал молодой,
Скучных дней провожал
 на закат череду,
Но однажды,
Снижаясь, под вечер,
Заметил звезду.

Ярко-ярко сияла
 она перед ним
Тем же светом, что он,
И желаньем одним.
И волшебное пламя
 взыграло в крови,
Унося его в небо
На крыльях любви.

Улетая,
 на горы взглянул свысока,
Плыли хлопьями хлопка под ним
Облака.
Он тонул,
Улетая от грешной земли,

И земля утопала
В лазурной дали.

Он не знал,
 что бездонна
Небесная твердь,
Что и жизни не хватит
До звезд долететь.
Ведь учили ж его,
 не предвидя беды,
Что в стремленьи к звезде —
Обретенье звезды.

Был он счастлив, летя,
Что их жизни слиты:
В крыльях прибыло силы,
В глазах — прямоты.
— Где была ты,
 зачем оставляла меня
В небесах одного
До недавнего дня?

Он летел и летел.
 Но уже нелегко.
А Венера, как прежде,
Была далеко.
И смутился пловец,
 не предвидя конца,
Лишь покинула вера —
Не стало пловца.
Как последний огонь
 выдыхает костер —
Он гигантские крылья свои распростер,
И сложил,

И погас,
И, отпрянув от мглы,
Он разбился,
 как камень,
О камень скалы.

Одинока, грустна,
С той печальной поры
Поселилась звезда
На вершине горы.
У Венеры-звезды
Проливные глаза,
Проливные глаза —
Неземная слеза.

ЮНОСТЬ

На свидание спешит твоя подруга,
Улыбается мечтательно кому-то...
— Стынет чай твой! — говорят тебе.
Не слышишь.
У окна сидишь, листая книгу.

Ты не слышишь,
Ты как будто не проснулась,
На свидание ни разу не ходила.
Видно, музыка любви
Сердца юного —
Его не пробудила.

Не томит тебя бессонница нимало,
И во сне никто покой твой не тревожит.
Только, «Вертера» читая,
ты мечтала:
И меня полюбит кто-нибудь, быть может...

Ищет он тебя.
А ты еще не знаешь.
— Стынет чай твой! — говорят тебе, не зная,
Для чего ты у окна сидишь, читаешь.
Распахнул твое окно
Весенний ветер.

•

На свидание спешит твоя подруга.
Улыбается мечтательно кому-то.
У окна сидишь, листая книгу.
А ведь кто-то тебя ищет по свету.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Луна.

Струится

отраженный свет.

Задумавшись, спросила ты поэта:

— Там столько звезд

И, может быть, планет,

Какая же из них моя планета?

Из самых, видно, маленьких планет —

Не разглядишь

За Млечною грядою.

— О, полно! —

Возразил тебе поэт, —

Себя равнять с погасшею звездой.

Последней искре дважды не бывать, —

Сказал поэт, —

Но истинно от века:

Чем тусклою планетой вековать,

Сгореть свечой — достойней человека.

Постылы мне унылые века,

С их лягушачьей,

Выстуженной кровью.

Короткий век — мгновенье мотылька! —

Бессмертное горение
Любовью.

На временных не взвешено весах:
Оно тем вековечней,

чем короче.

Зачем тебе планета в небесах,
Когда мои ты вызвездила ночи?!

Моя звезда,

Сама — моя звезда! —

Прекраснее, чем Вега или Спика.

Сорвать, как яблоко,

и принести сюда

Тебе звезду?

Достать ли из арыка?

В ушко не хочешь лунную серьгу?

Или Сатурна кольца —

на браслеты?

Все до единой высыпать могу

В подол тебе

И звезды и планеты.

Лишь только эту душу — никогда! —

С потухшею не сравнивай звездою.

Гори, моя,

свети, моя звезда!

Горю любовью —

Вечно молодою!

НОЧЬ В САМАРКАНДЕ

Словно четки свои невзначай уронил звездочет —
В синем небе рассыпаны крупные желтые зерна.
Их светильник луны до утра к себе властно влечет,
И они вкруг него все роятся, роятся покорно.
И в ночной тишине, точно лук, изогнувшись дугой,
Полумесяц луны не сомкнет воспаленного века:
Первым плачем ребенка нарушен сторожкий покой —
То не плач ли рожденного вновь Улугбека?
Эти спелые звезды — бери их в ладони, бери,
Собирай с небосвода, как яблоки с веток тяжелых.
Эти мудрые звезды я слушать готов до зари —
Столько в памяти их грустных былей и сказок веселых.
Вот мигают они, перешептываются во мгле,
Теплят свет надо мной — и светает душа понемногу.
Я иду по земле Улугбека, по древней земле,
Мне созвездье, открытое им, освещает дорогу.
Затихает в листве неумного ветра возня,
Месяц лодкой плывет, облака будто пену ероша.
Я иду по земле, и лежит на плечах у меня
Самаркандское небо — счастливая звездная ноша.

ВСТУПЛЕНИЕ К ГАЗЕЛЯМ

И я надумал погулять
в садах газелей дивных — но! —
Не смейтесь: мол, куда тебе
с Мир Алишером заодно!

Широк поэзии родник,
ее цветник неповторим,
А сердце каждое своим
непересуженным полно.

И ты не прав, о критик мой,
что в наши дни газель стара:
Стара земля,
Стара любовь,
Но крепче старое вино.

Заставит камень говорить
кровоточащая строка,
Когда газели естество
До тайных струн обнажено.

Конечно, в небе много звезд —
поэтов много на земле:
Светить Венерою в ночи,
увы, не каждому дано.

Не говорите, что Эркин
в саду газелей садовод,
Скажите: «Молод он!» — простив
мне все, что слабо и темно.

РОДНИК

Играя россыпью волос,
 сидит она у родника.
В ней отражается родник,
 как в нем — заря и облака.

Он, как из сердца доброта,
 затем исходит из земли,
Чтоб петь о ней,
Пока над ним —
Ее прозрачная рука.

Две струйки слов,
Две струйки слез,
 в одной — неверие и страх,
И ожидание любви —
В слезах другого ручейка.

То, забывая о себе,
 он только светится без слов,
То льется, будто бы во сне
 невнятный лепет языка.

Не заслоняй свое лицо
 горячим трепетом волос:
Пусть налюбуется родник,

Пока молчишь,
Сидишь пока.

Пока одна у родника,
Эркина сердце — твой родник!
Не покидай его, пока
стучит он жилкой у виска.

ВСЕ РАДОСТИ ТЕБЕ

Все в мире радости тебе,
тревоги и волнения мне,
Удел возлюбленной — тебе,
влюбленное томленье — мне.

Всю нежность я отдам тебе,
отдай свои невзгоды мне.
Румянец щек и смех — тебе,
печаль и непогоды — мне.

Вся красота, мой свет, тебе,
и только отраженье мне.
Вся власть незримая — тебе,
покорное служенье — мне.

Все наслаждения тебе,
обиды и мученья мне,
Покой полуночный — тебе,
в тоске бессонной бденье — мне.

Тебе — безоблачные дни,
безрадостные ночи мне.
Тебе — сады, моря воды,
из рук твоих — глоточек мне.

Тебе царицею царить,
мне — восхищаться в стороне.
Тебе разлукою томить,
быть вечной преданностью мне.

Тебе — стихи Эркина жечь,
писать стихи, как прежде,— мне.
Тебе — цвести
И вечно жить,
Как мне гореть в твоём огне.

ВСЮ НОЧЬ ПРОПЛАКАЛ СОЛОВЕЙ

Всю ночь проплакал соловей
 над спящей розою своей,
Оставив слезы на шипах,
 на влажных кончиках ветвей.

— О розоликая! — свистел, —
 Открой невинное лицо! —
Но просыпается бутон,
 едва уснет певец ночей.

Лишь, притаившись под листом,
 лукавый чувствовал зефир,
Как напрягается бутон,
 едва засвищет соловей.

В пустыне чувственной любви
 Меджунов скольких бедный прах?
Фархадов скольких бедный прах! —
 в горах, в морях среди зыбей.

Принес я душу на алтарь
 твоей, богиня, красоты.
Да прорастет Эркина кровь
Цветком в саду любви твоей.

БУТОН

О розовеющий бутон,
 глядящий в жизнь из-под листа,
Покуда в завязи крутой
 твоя сокрыта красота.

Ты другу тайну приоткрой,
 чем тайной мучить грудь свою.
Любовь — тем более не прячь! —
 ее беспорна правота.

Любить — ах, если и недуг? —
 то все подвержены ему.
Красней! И все же подними
 свою головку от куста.

Ах, может, ты, подобно мне,
 совсем не в друга влюблена,
Но в друга друга, и никто
 не кормит спелые уста.

На розовой щеке твоей
 я вижу капельку слезы.
Пусть то, что капнуло из глаз,
 прольется словом изо рта.

Поведай мне, я как и ты,
в любви признаться не сумел.
И оттого в груди моей —
то тень тоски, то пустота.

Но будь, о нежный, как Эркин,
в своей надежде терпелив:
Не торопи, мой свет, любовь
ударом дерзкого хлыста.

ПРОГУЛКА ЗА ТЮЛЬПАНАМИ

Я Лейлу в горы пригласил:
 мне надоело одному.
— Что ж, если очень позовешь,
 приду по зову твоему...

Широкий озарился мир
 благоволением ее,
О, если б только так везло
 всегда желанью моему!

И, услышав ее ответ,
 задачу задал я ему:
Ее позвать за столько лет —
 как не собрался? —
Не пойму.

И задал милой свой вопрос —
 она смеялась мне в ответ.
Сказала:
— По ступенькам лет,
Мой друг, подходим ко всему.

МЕЧТАТЬ — НЕ ПОРОК

Внезапно поймана душа,
но виновата ли она?
В сетях запутался олень —
скажите, в чем его вина?

Попалась в плен душа моя,
скажите, в чем моя вина?
Как птица слабая в силки —
ужель никчемная она?

Не первый узник ловких глаз
ты, сердце бедное мое.
Беда — на нас
В который раз,—
Любовью мир зовет ее.

Скажи мне — в тесноте сетей —
ты стало пленником любви,
Быть может, волею своей?
Тогда любовь благослови.

От мук любви я бледен стал,
душа усталая темна,
Не стоит в зеркало глядеть,
Ведь это не его вина.

Любовь — Венера в небесах! —
она всегда восходит в срок,
Когда мечтают,
А мечтать,
Как говорится, не порок.

С РЕСНИЦ СПУСТИВ СТРЕЛУ

С ресниц своих спустив стрелу,
ты сердце ранила в груди,
Под душу сделала подкоп,
как все лукавые вожди.

Чтоб мне, страдальцу, не испытать
твоей врачующей слезы,
Из тех же каверзных ресниц
ты дамбу там сооруди.

Я сном неведения спал,
когда в подкоп из-под земли
Ты войско страсти провела
и утвердилась посреди.

Когда разграблена душа
и домик сердца —
Кверху дном, —
Проси злодейку об одном:
«Пустого тела не щади!»

Но кто любовью оснащен,
боится ли атак тоски?
О чем печалишься, Эркин? —
Еще сраженье впереди!

ИЗ СЧАСТЬЯ ТРОН

Из счастья истинного трон
 пусть тронет робкая нога,
Тебе — корону из корон! —
Фортуны блага на века.

«Короны», «троны» — мол, старо! —
 ты скажешь мне,
 но что сказать,
Коль ты владычица любви,
 а я твой преданный слуга.

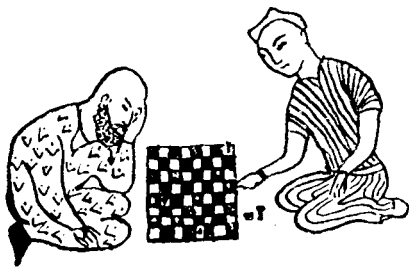
Не властен я и не богат,
 но в доказательство любви
Мои бессонные глаза
 тебе предъявят жемчуга.

Они жуют меня всегда —
 что ты одна
 в глазах стоишь.
Мила ль тебе слеза моя? —
 скажи, мой свет,
 не будь строга.

Упреки слушает Эркин,
а все влюбляться не отвык.
И в гору не пойдут дела,
коль сам не взял их за рога.

3

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

ЭКСКАВАТОР

Вошел он в пустыню — железный работник —
без страха,
В полуночный сон.
И мертвую землю — сухую, подобие праха —
Ощупывал он.

Не весила горсть
на железной и грубой ладони
Почти ничего.
Но мертвые губы шептали, просили — он понял! —
Воды у него.

И весь задрожал он
железным отзывчивым телом
И башню вращал.
И ковш опускал, и шагал — и пескам омертвелым
Он жизнь возвращал.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Меж днем и ночью, на две равных доли,
Поделен свет — так думается мне.
Беспечна ночь. Она по доброй воле
Свет раздарила звездам и луне.

Вот оттого мерцают скупю звезды,
И лунный лик печален оттого...
А день был мудр:
Он взял и солнце создал
Из всех запасов света своего.

Когда родится сын — нет радости конца!
И ноша нелегка,
Да истинно своя.
А если дочь, одна надежда у отца:
— Да будет Кифоя!¹
— Да будет Кифоя!

Желают сыновьям:
— Да будут молодцы!
Владеют кетменем,
и луком, и стрелой.—
А дочку народив, безумствуют отцы:
— Да будет Угилой!²
— Да будет Угилой!

А если сыновей возьмется смерть косить —
Четвертого уже
у матери берет,—
То пятого она, рожая, Тухтасин³
В надежде назовет,
В надежде назовет.

Забитые судьбой, впряженные, как мул,
В извечное ярмо у баев и у бар,
Давали имена униженные — Кул⁴,
Еще — Абдукаххар⁵,
Еще — Абдужаббар⁶.

¹ К и ф о я — довольно, достаточно.

² У г и л а — мальчик.

³ Т у х т а с и н — пусть останется.

⁴ К у л — раб.

⁵ А б д у к а х х а р — раб Каххара.

⁶ А б д у ж а б б а р — раб Жаббара.

И все же на авось, на ниточке вися
С надеждою своей
 в безвременье и лжи,
Лишь с родинкой малыш — с багровою! —
 родился,
Зовут его Тажи ¹,
Зовут его Тажи.

2

Сегодня мир иной,
 иной душевный дар —
Значенье именам особое дано:
Один из четырех приятелей — Анвар ²,
Одна из пятерых приятельниц — Рано ³.

Гляжу на паренька по имени Озод —
От радости душой витаю в облаках:
Свобода самолет
 уводит в небосвод,
Свобода на коне,
И в трудовых руках.

Эркины-сыновья,
Озоды-сыновья —
Свободы сыновья,
 и именем ее
Мы названы затем, чтоб сущность бытия
Высокого несло людское бытие.

¹ Тажи — корона, венец.

² Анвар — лучи.

³ Рано — самый красивый цветок.

Свободные отцы нам дали имена,
Чтоб были мы в отцов — воистину вольны! —
Где вольные сыны — свободная страна,
Где вольная страна — свободные сыны.

Нам были в дар даны —
раскрепощенный труд,

Свободная любовь
И творчества полет.
И дети — у детей! — свободные растут:
Грядущего народ,
Грядущего народ.

Свобода родилась из пламени борьбы:
Без веры и борьбы
Победа неполна.
Пусть весело несут избранники судьбы
Эпохи имена —
Свободы имена.

Свободы и любви
Гори, огонь, гори,
В последний бой зови
последнего раба.

Недаром на щитах несли богатыри:
«Свобода и борьба!»
«Свобода и борьба!»

О СКРОМНОСТИ

Хоть и спесив необычайно —
Мол, нет мне равных на столе —
А все же кланяется чайник
Неприхотливой пиале.

Пусть о себе он вечно трубит,
Пусть воздаст себе хвалу —
А человек, он скромных любит
И в лоб целует пиалу.

У ПАМЯТНИКА

Памяти Зои Космодемьянской

— Кто ты — сама?

Отвечай же!

Не время для спеси.

Кто был с тобой?

Никого от расправы не прячь.

Скажешь — отпустим.

Не скажешь — повесим! —

Ставят столбы с перекладиной.

Зою пытается палач.

Зоя молчит...

— Отвечай же! — кричит что есть мочи

Жалкий палач,

Посиневшие губы кривит...

.

Гордо подняв к горизонту высокие очи,

Перед дорогою,

Статуя молча стоит.

Если б враги вознамерились снова и снова

Тысячи раз ее вешать,

пытать,

сапогами стучать,

К вечному подвигу верное сердце готово —

Тысячи лет это сердце готово молчать.

НА 9-е МАЯ

Если каждой весной,
Сколько эта земля ни кружись,
Словно алые взрывы — тюльпаны! —
в просторах зеленых,

Это в память о тех,
Что за родину отдали жизнь, —
Двадцати молодых,
Двадцати дорогих миллионах.
И пока над землей

раскрываться сердцам и цветам

По закону любви,
По причине исконного права,
Достояние вечности — непревзойденный дастан! —
Знаменосца свободы,
Советского воина слава.

Не мне ли ростком в твоём свете лучиться?
Не солнце ли общее,
Как и дожди,—
Над нами? И коль умереть мне случится,
То только цветком у тебя на груди.

И — пиалу победного вина! —
по кругу с вами

Осушить я чаю.
Из жаркого, как солнце, волокна,
Из шелкового —
Песню обещаю.

Да будет ткань дареного стиха
Чиста, как хлопок,
До седьмого пота
Трудиться будет
Над строкой рука.
Созвучий звонких тонкая работа.

Поэзия — желанная страна:
И славить
И прославиться не прочь вы.
Да вот беда —
повсюду целина,
Готовой вовсе не бывает почвы.

Вся в кочках и ухабинах земля,
Под солнцем,
Под сырыми облаками,
Поленишься — не злаками поля
Мгновенно зарастут, а сорняками.

Чтобы полезный кустик не заглох,
Немало надо приложить хлопот нам.
А чтобы разжирел чертополох,
Достаточно быть просто беззаботным.

Там, где посев, —
всегда и сорняки.
И борозда стиха для них удобна.

Бездарность —
Это вроде как жуки,
Вилту¹ версификация подобна.

На хлопковых плантациях стиха
Да будет вдоволь истинного света!
Высокой страстью радуйся, строка,
У каждого дехканина-поэта.

Чтоб нам
на общем
Празднике труда
Быть словом-золотом
И чистым звуком меди,
Чтоб всюду — кишлаки и города —
Услышали наш рапорт о победе.

Прими, Отчизна,
веря не словам,
Но стуку сердца
В каждом нашем слове,
Поэзии груженный караван
С глубокими дастанами в основе.

¹ В и л т — грибковое заболевание хлопчатника.

СЛЕЗА

В горах сорвется камень вдалеке —
И грохотом обвала тишь взорвется.
Твоя слеза, скатившись по щеке,
В душе моей печалью отзовется.

Пусть рушится гора — я устою,
Подставлю плечи, удержу, не струшу.
Но как мне удержать слезу твою,
Смятеньем наполняющую душу?

КАРДИОГРАММА

Доктору Матлюбе Закировне

Кардиограмма.
Абрис или образ
Из линий весь...

Что говорят они?
Зачем стучится это сердце в ребра,
Как в страхе птица в прутья западни?

К чему мятеж?
Чего же оно хочет?
Что просит саламандра — друг огня? —
Вам, доктор,
Внятен этот беглый почерк, —
Скажите, что он значит для меня?

Не линия ли жизни, если строго
Ее назвать: граница бытия?
Не линия — так, может быть, дорога? —
Зигзагами, как каждая, моя...

Кардиограмма —
взлеты и паденья.
Везде шипы и где-нибудь цветы.
Мы выбирали горы,
а не тени
От гор крутых, что вовсе не круты.

Ни страха мы не знали, ни покоя,
Ни отдыха —

не спишь и недоешь.

Так что ж оно — послушное такое —
За что, скажите,
Подняло мятеж?

Обидел ли его я,
Не послушал?
Неистинной доверился волне?
Быть может, вам

свою откроет душу,

Мою вину,
Что не открыта мне.
Сказал ли я хоть слово не от сердца
С собой наедине ли,
На миру?
Искал ли поудобнее соседства?
Из жизни ли выскальзывал в игру?
Назвал ли черным белое

и белым

Небелое — из выгоды, хоть раз?
Перед неправым словом или делом
Ушей не затыкал,
Не прятал глаз.
И клятву сердца

сердцем не нарушил.

Так в чем же я виновен? —

Назови:

Неискренность ли в дружбе обнаружил?
Не вероломным был ли я в любви?

Рука от сердца,
Сердце — под рукою.

Спрошу его —
ты объясни, утешь:
Зачем же ты, послушное такое,
За что, скажи мне,
Подняло мятеж?
Я знаю,
Это дело непростое,
Работа сердца — очень нелегка:
И день и ночь — до смерти —
без простоя,

Без устали
Превозмогать земное
Пространство,
Где уснули облака.
Где эта тяжесть времени
и скорость —
Машины, самолеты, корабли,
Когда сердца — во множестве и порознь! —
Заведуют вращением Земли.
Когда сжимает у такого края,
Где бремя жизни с временем сошлось,
Аорта сердца
или ось земная —
Суть крови ток,
Твоя земная ось.

Я не хотел удобнее усесться —
То на ходу живу,
то на весу.

Прости меня,
Мое больное сердце,
Что до ста лет тебя не донесу.
Но верю я: грядет!
Вдыхаю время,

Где бремя — невесомо! — и ярмо.
А ты гори, гори:
 твое горенье,
Уже оно — грядущее само...

СТИХИ И ШАХМАТЫ

Как две — и две! — строки
вдоль клетчатой бумаги,

Стоят фигуры в ряд,
Стройнит строка строку —
В строю ладьи, слоны,
ферзи, воздевши стяги,
И кони-крепыши, готовые к прыжку.

Я шахматы сравню с хорошими стихами,
Всезнающий мой друг — читатель! —
не суди.

Как шахматы — стихи — испытаны веками,
И шах, и мат — как стих! —
Рождается в груди.

Взволнованность,
борьба,
изящество
и жесткость —

В природе этих дел,
Не выучка ролей.
В двухцветности полей,
как шахматное войско,
Поэзия всегда штурмует королей.

И это не игра — ни шахматы, ни слово —
Борьба, сама ль судьба
Души и головы.
Неточность — и беда! —

не найдено, не ново,
Лишь точные ходы — прекрасны и новы.

Как счастлив был бы я,
найдя свою удачу —

Две пары вечных строк,
Так счастлив, как индус,
Что, шахматы создав,

премудрую задачу

Потомкам преподнес
На всякий ум и вкус.

Безмерна, как стихи,
Как небо голубое,
Находчивость солдат,

устойчивость ладей.

На шахматной доске — двухцветном поле боя —
Извечная, как мир,
Идет борьба идей.

Я в поезде ехал, скакал на коне
И просто шагал по родной стороне.
Тот путь, что прошел я за тысячи дней,
Меридиана длинней.

Я многое видел, везде побывал,
Но за перевалом вставал перевал,
И смутно чего-то хотела душа,
Все дальше и дальше спеша.

Трепал меня ветер, и жег меня зной.
Я столько оставил дорог за спиной,
Бездонных ущелий и сумрачных скал...
Покуда тебя отыскал.

ПИСЬМО К ДРУЗЬЯМ

Когда на рассвете открыл я окно,
Задумчивый ветер улегся в тени.
От листьев краснеющих
Было красно —
Газели шептали кому-то они.

Казалось, гляжу
из чужого окна:
Мой сад перекрашен
И сухо шуршит.
Ах, боже, меняются как времена!
Чуть юность и лето —
И осень спешит.

Вчера еще юным был — солнечным днем! —
Студентом влюбленным,
Как в небе звезда.
Чуть осень, и листья
займутся огнем —
В поля нас манила, бывало, страда.

Поля под луною
как скатерть белы,
Где стан полевой
И мерцающий пруд.

Времен ветерок обнажает стволы —
И памяти листья
Плывут, плывут.

О, где вы, друзья
 этих лет и зим,
Чей тесный всегда
Был нетесен круг:
Где вы — и Анвар,
 и Шакир, и Карим?
И четверо — где? —
 неразлучных подруг?

Еще не вчера ли
 пылал, как сейчас,
На листьях осенний насыщенный цвет.
Но девочке той,
Что тогда родилась,
Пятнадцать сегодня исполнилось лет.

Сегодня пятнадцать исполнилось лет,
Как мы разлетелись,
 покинув гнездо.
Такой же на листьях насыщенный цвет,
Но мы изменились,
И время не то...

Так вот она — осень! —
 пришла-таки вдруг,
И памятные зажигает огни.
Ах, где бы ты ни был,
 мой искренний друг,
Припомни осенние
Прежние дни.

Какие б дороги
тебя ни вели
В поля, что от хлопка
Белы, как зимой,
Припомни закат
и дорогу в пыли,
Когда возвращались мы с песней домой.

Взгляни на долину,
что — как в облаках! —
Влюбленно, как т а,
Что глядела, любя...
Коробочка хлопка,
что держишь в руках —
Ужели не эта строка для тебя?

В душе мы студенты еще до сих пор,
Романтики мы —
Полнозвучной волной,
Просторно, как щедрого хлопка ковер —
Плывут наши песни
Над нашей страной.

Я с вами — как прежде! —
без вас не могу:

Я звездочка малая
К звездным часам.
Стихи вам шепчу я,
а ветер от губ
Разносит их весело
По адресам.

Так будьте же счастливы,
будьте добры,

Да будет вам спутником
юности свет,
А давняя осень
весенней поры
Горящими листьями
Светит вослед.

ПОТЕРЯННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Явилось мне на краткое мгновенье
И вновь ушло неведомо куда...
И в памяти о том стихотворенье
Ни эха не осталось, ни следа.

Но все, что в существе моем когда-то
Болело, стыло, пело, жгло огнем,
И все, что для меня поныне свято,
И все, что ненавистно,—
Было в нем.

Оно несло в себе заботы века
И светлую возвышенность мечты,
Ранимое, как сердце человека,
Исполненное мудрой красоты.

Поэтами земли, их вечным правом
Жить, продолжаясь каждую строкой,
Клянусь: оно бесценным было сплавом
Всей горечи, всей радости людской.

Так почему же дал я кануть в Лету
Сокровищу! Как мог утратить я
Земное чудо, вышедшее к свету
Из бессловесной тьмы небытия!

Заворожив, оно мелькнуло рядом
И растворилось музыкой во мне,
Как образ той,
Что некогда Фархадом
Увидена в зеркальной глубине.

И с той поры в мучительной погоне
Я исходил тернистые пути.
Тяну к нему незрячие ладони,
Ищу его — и не могу найти.

Какое бы ни затевал я дело,
В какой бы дальний ни заехал край —
К нему взываю каждой клеткой тела:
— Приди ко мне! Забвеньем не карай!

Когда гуляю по садам осенним
И вижу щедрость края своего,
Я вспоминаю то стихотворенье,
Его внезапных красок колдовство.

Когда людей, чьи помыслы прекрасны
И чьи деянья помыслам под стать,
Встречаю я —
Как солнце в день ненастный,
Оно передо мной сверкнет опять.

Когда хирманы хлопка белокрыло
Красуются в полях на радость всем,
Я думаю: оно таким же было
Воздушным и весомым вместе с тем.

Я им пленен. Я у него во власти.
Мне падать и опять шагать вперед.

И пусть другому улыбнется счастье,
И пусть не я — другой его найдет.

Везде — во мгле чашоб, в песках пустыни —
Идти я буду по его следам,
И все, что мной написано доньше,
Без сожаленья за него отдам.

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА

1

В незапамятные годы
Во дворце Кабилистана
Беззаботно,
Беспечально
Жил беспечный падишах.
За сладчайшие мгновенья,
Развлекаясь неустанно,
Отдал царство он
и — странно! —
Не остался в барышах.
Но случилось:
постарел он,
Стал ревнив и беспокоен.
И однажды во дворец он
Кликнул визирей и рек:
— Жизнь я прожил, а не знаю,—
Всхлипнул,— что она такое?
Человек я, а не знаю,
Что такое человек?
Сорок лет страной я правил,
Сорок лет победы славил,
Все вопросы я поставил,
И в оставшиеся дни:
Всем ученым — ноги в руки!
Всех ученых — в храм науки!

Не страшась труда и скуки,
Пусть работают они.
Пусть приложат все старанья.
Человеческие знанья,
Все накопленные знанья
По крупичам соберут.
Все о зле
И все о благе
Пусть изложат на бумаге
Как историю народов —
И представят этот труд.

2

И явился полк ученых —
Сорок новоиспеченных,
Важным делом увлеченных,
Кто писал,
А кто читал.
Сорок завоу, сорок залов,
Сорок свехоригиналов
Сорок мучались кварталов —
По три месяца квартал.
И едва возникли груды
Умных книг — пришли верблюды, —
Сорок вызвали верблюдов,
Не ослов и не овец!
Муки слова, мысли муки —
Не пустые штуки-дрюки,
Караван большой науки
Наконец встречал дворец.
И с поклоном к предисловью
Приступили, где: «С любовью!» —
Было сказано — и «кровью» —

Написали этот труд.
Что трудились дни и ночи —
Нет истории короче,
Нет точнее или четче,
Чем изложенная тут.
Падишах, прослушав речи,
Молвил:

— Хожено далече!
Только разве человеچه
Это дело — столько книг?
Сами ройтесь в этой груди.
Мне же впредь,
чтоб на верблюде —
На одном подать верблюде! —
Выжав лучшее из них.

3

Снова сорок лбов ученых,
Важным делом увлеченных,
Сорок мыслей извлеченных
Сократили в сорок раз.
Сорок раз за дело брались,
Меж собой соревновались,
Чуть вконец не передрались,
Новый выполнив приказ.
Лишь представ опять у трона,
Все — коленопреклоненно —
Просияли...

Но владыка,
Опершись на клюку:
— Молодцы, — сказал, — ребята!
Только снова многовато:
Что возможно для верблюда,

Невозможно старику.
Долго жили, знать, народы.
Да мои недолги годы.
То ли дело — истин своды! —
Как умели в старину.
А пустое опустите,
Как хотите, сократите.
В книгу ж — главное! — вместите,
И не больше, чем в одну.

4

Вновь трудился полк ученых —
Сорок — очень огорченных,
В многословье уличенных,
Хоть никто их не читал.
Снова сели в сорок залов
Сорок сверхоригиналов.
Сорок мучались кварталов —
По три месяца квартал.
Одолев разлад и склоку
И закончив дело к сроку,
К изголовью падишаха,
Что еще глядел на дверь,
Что, увидев книгу жизни,
Еле слышно:

— Книгу жизни
Мне, — промолвил он, — при жизни
Не прочесть уже теперь. —
Посмотрел на них с мольбою:
— Знать, обижен я судьбою,
Что теперь — само собою! —
Прежде свечки догореть.
В двух словах — не своды сводов —

Всю историю народов
Мне спрессуйте,

чтобы с этим

Мог я мирно умереть.—
И тогда большой ученый
Вышел
(В тогу облаченный).

Рек

(Доверьем облеченный

На путях добра и зла):

— Все рождалось,

Все страдало,

Все, страдая, умирало.

Так — ни много и ни мало! —

Вся история прошла.

4

ИРОНИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

ТЫКВА

В одном саду, раскинувшись беспечно,
Змеилась тыква вдоль и поперечно,
Но ей наскучил этот старый сад:
— С соседним он в сравненье

просто ад! —

Увы, соблазн преследует нас вечно.
И поползла она через забор
Средь бела дня, не крадучись как вор,
Но с полным правом — поднимаясь выше!
И к вечеру пристроилась на крыше,
И любовалась на соседний двор:
— О, как прекрасно!
Право, как прекрасно!
Здесь просто рай —

ни с чем сравненья нет:

И что за цвет!
И что за мягкий свет!
За что сгубила молодость напрасно?!
Не вверившись отважному прыжку,
Век маялась бы,

радости не зная... —

Но как-то раз пришел
Хозяин «рая»
И срезал ей беспечную башку.

ГОСПОДЬ И САПОЖНИК

Молил сапожник:

— Не пренебреги!

Хоть раз взгляни,
Войди в мое жилище.
Уж я тебе стажаю сапоги,
Заштопаю как надо голенище.

И обещал господь,
ему внемля,
Дать вечной жизни ангельскую тропку.
— Да брось ты!
Мне бы горсточку угля
И хвороста сухого на растопку.

Молчал господь,
качая головой,
Потом сказал,
Не пренебрег ответом:
— Вон за окном извозчик ломовой.
Он — бог твой.
И его моли об этом.

Вот художника
нейлоновый глазок —
Он увидел — нечто! —
Суперчеловечье.
Переводчик
с непрочитанных азов
Переводит на грядущее наречье.
Без скандалов,
И не то чтоб —
до звонка! —
Вечно трудится
Отряд железнодорожный.
Столб железный, словно ствол, —
до потолка —
Управляет разветвленную работой.
Кибернетика —
вершина из вершин
Рукотворных,
Человеческих созданий.
Ни прогулов, ни отгулов у машин,
Ни — тем более! — досадных опозданий.
Нет корысти — ни снаружи, ни внутри! —
Ни претензий к переводу или снимку,
«К-14» не станет на «Б-3» —
Анонимку,
Анонимку,
Анонимку.
Ни, конечно, суеты и болтовни
Заседательской,
с парадными речами:
Ценят — каждое мгновение! — они,
Ощущающие
Вечность
За плечами.

И, железно размещаясь по уму,
Ровно делают — ни много и ни мало —
И не требуют награды

потому,

Что всего лишь —

Из металла,

Из металла.

Ни инсультов, ни инфарктов —

повезло.

Без сомнения вершат любое дело.

И ученые их прячут под стекло,

Чтобы их людской тревогой

Не задело.

Не грусти, железотелый, не грусти,

Вот тебе на зуб

от скуки

антитеза:

Треволнений наших не перенести,

Если ты не человек,

А из железа?

Он говорил:
— Люблю покой и труд.—
Он говорил:
— Да полно суетиться! —
Верблюдам говорил, что он верблюд,
А птицам — настороженно! — что птица.

Он прожил жизнь — и он не прожил дня! —
Плыл по теченью, ничего не знача.
Он жил и жив,
Как вся его родня —
Лицом в песок, глаза от жизни пряча.

¹ Ст ра ус по-узбекски — туя куш. Состоит из двух слов: «туя» — верблюд и «куш» — птица.

Родился он на свет — болтливей бубенца! —
Все в склоках,
 в суете,
За прошлым днем в погоне.
Все делал —
Ничего не сделав до конца.
И смысла жизни ни на грош не понял.

Однажды наконец,
Умом войдя в лета,
Он жизнь — что так проста! —
Постиг: отпала злоба.
Сказал: «А ну ее к та-та та-та-та-та!» —
Махнув на все рукой,
Захлопнул крышку гроба.

Под лесом бродит рыжая корова.
Клеща сорока склюнула на ней.
Представь себе, корова ей — ни слова! —
Хоть хвост коровий нашего длинней.

Полно клещей на всякой божьей твари,
Кому, поди, неведомо о том.
Но тронь попробуй — так порой ударит
Тебя же друг своим кривым хвостом.

ДУТАР МАТМУСЫ

Как-то раз продать барана
Матмуса поехал в город.
И купил,
 продав барана,
Вещь заветную одну.

Во дворе своем, вернувшись,
Привязал коня к забору.
И, не пряча ликованья,
Кличет из дому жену.

— Посмотри-ка на покупку
Да порадуйся удаче.
Это струны — не бечевки! —
И ладов пятнадцать пар.

Это уши, вот опора —
Ишачком она иначе
Называется. Послушай,
Как играет наш дутар.

«Мунаджат» — назвал он песню,
Принялся за дело рьяно.
И жена, внимая песне,
В восхищение пришла:

— Горожанину спасибо:
Стоит музыка барана!
Инструмент исправный продал,
И мелодия мила.

Горожанину спасибо,
Что плохой покупки не дал,
Да ни он,
Ни ты не ведал —
Нет ли, есть ли в пальцах дар.

Инструмент такой же вроде
Был, мне помнится, у деда.
Если я не ошибаюсь,
Тоже, кажется, дутар.

Он его перед игрою
Крутит за уши, бывало,
Мчались пальцы над ладами,
Замирая на ходу.

Ты же, милый мой, играешь
На одной струне усталой,
Всю мелодию играешь
На единственном ладу.

Матмуса насупил брови:
Стало жаль ему барана.
Напустился на жену он —
Виновата, мол, сама.

— Ты сказала, — он сказал ей, —
Глупо, более чем странно:
Видно, выжила под старость
Из последнего ума.

Может, вправду, пальцы деда
Суетились по дутару,
Может быть, старик несчастный
Нужный лад не мог найти.

А теперь, когда играю,
Языком ты зря колотишь!
Лад, который
 дед искал твой,
Мною найден во плоти.

И, сказав слова такие,
Матмуса расправил плечи.
И жена, внимая мужу,
Возражений не нашла.

И напрашивался вывод
В назиданье музыкантам:
Слава нужный лад нашедшим —
Восхищенье и хвала!

ЗАБОТЫ ЗЕМЛИ

— Эй, Земля!

Чего ты сделать не успела?

Все-то ты кружишься.

Что с тобой?

— И не говори!

Мое такое дело.

Видно, так уж мне

назначено судьбой.

Мне и постоять, как Солнцу,

не по чину,

Или со звездой Полярной наравне.

Все имеет имя,

В имени — причину:

В небе я — курьер! — рассыльный молодой.

Все имеет место

И свою причину:

В небе я — курьер,

Вертеться надо мне.

Солнце надо мной —

Светлейшее светило,

Круглый год кругом

Него

Лечу, лечу,

Круглый день кругом

Самой себя,—
 чтоб было
Все вокруг меня
В порядке,
Хлопочу.
Полон мир планет:
Где — добрая, где — злая,
Звездам несть числа,
 но каждая — звезда! —
С каждую из них
 учтива и мила я,
К каждой отнестись
Попробуй без труда.
Вот, к примеру, Марс —
Недобрая планета,
Грозный бог войны,
 обидчив и раним.
Взгляд кровотоцит —
 ни света, ни привета! —
Все же иногда сближаюсь я и с ним.

Или хоть Меркурий,
 ростом невеликий,
Все же молодец — купец! — не ротозей.
Что греха таить нам —
Знаешь сам поди-ка! —
Трудно без таких находчивых друзей.

Или друг Юпитер:
 тоже уважаю.
Будет друг — Юпитер! — и стакан до дна,
Если он решает
Судьбы урожая.
Я же — ты ль не знаешь? — как населена.

Или этот старый,
 что мечом грохочет,
Злобою клокочет — тоже из планет —
Вспомню, что весной он
Будет нужен очень,—
Осенью Сатурну
Шлю земной привет.

Все эти заботы,
 хлопоты, обеты.
Сердце барахлит. Прикладываю льды.
А еще грозят мне
Всякие кометы
С пышными хвостами —
Долго ль до беды?

Я хожу под Солнцем,
Ходит подо мною
День и ночь по кругу круглая Луна.
Ежели не держит камня за спиною,
Что ж со стороны обратной не видна?

Так вот и живу я,
 мчась, не отдыхая,
В вечность осыпая бренные лета.
Нет конца круженью.
Вот она какая —
Наша бесконечность,
Наша суета.

Ну, а ты вздыхаешь
О своих заботах
В свой недолговечный,
 человечий век.

Посмотри на небо
И скажи — спасибо! —
Что не бесконечен
Смертный человек...

СОЖАЛЕНИЕ

Надо, надо бы вчера
В дни мальчишечьи вернуться.
Невозвратная пора —
Та наивная игра, —
К ней уже не дотянуться.
Перейден давно порог.
Друг мой сжульничал открыто.
Но сказать ему:
— Иди ты!
Не играю я с тобою! —
С той наивной прямоюю
Я вчера уже не смог.

ДЕТИ

Вы отцы,
А мы покуда дети.
Смотрит сверху роза на бутон.
Но не то же разве на рассвете
Солнце, что возносится потом?

Вы отцы,
А мы покуда дети.
С нас — поклон, а с вас — принять поклон.
Роза горделивая в расцвете
Смотрит, усмехаясь, на бутон.

Но ведь было,
С вами тоже было
Детство —
озорство и простота! —
Чтобы сердце билось-не-разбилось,
Птицей вырываясь изо рта...

Ах, простите,
Вы, конечно, лучше,
Оттого-то в зрелости горды,

Что ни в жизнь не падали с урючин,
Не срывали зелены плоды.

Не купались тайно, не ныряли,
Не взбирались по тропинкам гор,
Отвечая правилам морали,
Не взлетали с ходу на забор.

Вы отцы,
А мы куда дети,
С вас — указ, а с нас — увы! — одно
Послушанье... Почему же этим
Послушаньем все запрещено?

Тикают часы — тик-тик! — стенные,
Счет ведут секундам и векам.
Невдомек вам,
Что из них иные
Сами так и тянутся к рукам.

Вам они — тик-тик! — металл и никель,
Вам на стрелки искося глядеть.
Нам — пока в их тайну не проникли! —
Можно ли спокойно усидеть?

Зеркало годится — строить рожи,
Облако — промчаться без вожжей,
Если в землю всунуть острый ножик,
Вырастет ли дерево ножей?

Мы — очаг ошибок и догадок,
В них и вред,
И выдумка, и бред.
Впрочем, безошибочен порядок
Лишь такой, где будущего нет.

Вы отцы,
А мы покуда дети,
С нас поклон, а с вас — его принять.
Почему ж мы вечно на примете?
Вовсе ль нас немислимо понять?

Нет, вы понимаете порою —
Вы не так чтоб вовсе в стороне.
Кажутся нам детскою игрою
Ваши игры — взрослые вполне.

Редко мы,
Ну, скажем, за конфетку,
Можем быть неискренни, хитры.
Вы — за то же самое — нередко
Ближнего дерете за вихры.

Лишь повздорим мы из-за чего-то,
Вы прутом нас станете гонять.
Сцепитесь на лесенке почета —
Некому вас, бедные, разнять.

В праве вы — отцовском! —
И в законе,

Но хитро течение реки:
Близок миг, когда мы вас догоним,
В детство вы вернетесь, чудаки.

Станут ваши — выдумки и жертвы.
Станем мы
Лукавить неспроста...

Детство — это сущность совершенства.
Старость — это детства высота.

ДЛИННЫЕ СТИХИ

(Шутка)

Узенькие строки,
Длинные стихи.
Не суди, мой строгий,
Если не с руки.
Но пройди по краю,
Как никто другой.
Я ль тебя не знаю,
Книжник дорогой!
В жизни я немало
Истоптал сапог —
Всякое бывало
И немало впрок.
И с чего — не знаю —
Мне приснился сон:
И к добру ль — не знаю —
Не к добру ли он?
Только пламя билось
Да лилась вода.
Все переместилось
И невесть куда.
Всюду кони бродят,
А хозяев нет,
Землю вдруг скородит
Друг искусствовед.

Правильно, примерно —
То-то чудеса! —
Правит птицефермой
Рыжая лиса.
На печи жиреют
Тучные коты,
Мыши им отгрызли
Сонные хвосты.
И бараньим салом,
В рюмку сунув нос,
Потчует шакала
Наизлейший пес.
→ Эй! → кричу я. — Братцы! —
Пастуха кричу.
Говорит он:
— Драться
Вам не по плечу,
Проще оборона
И атака тож:
«Я тебя не трону —
Ты меня не трожь...»

Это ли порядок?
- Это ли дела?
Бабочки вдоль грядок
Словно вдоль стола.
А пастух:
— Ну что же!
Знаешь: съел, кто смел. —
Глянул я — о боже! —
И окаменел.
Вдоль деревьев косы
Сорного вьюнка,

Вылетают осы
С медом из летка.
И в павлиньих перьях,
Родом из жулья,
Обучает пенью
Филин соловья.
Я кричу:

— Садовник!

Что же это, брат:
Погубил тутовник,
Позагадил сад...—
Говорит он строго:
— Сам ли, брат, хорош?
Я тебя не трогал —
Ты меня не трожь.
Кончим дело ладом —
Мы ли не родня?..

Пот холодным градом
Катится с меня.
Воздух разрубая,
Врезался звонок —
Вижу сам себя я
С головы до ног.
Руки-ноги целы.
Сверху, не спеша,
Воротилась в тело
Грешная душа.
В головах —

подушка.

Значит, это сон.
Словно колотушка,
Будит телефон.

А с кормушки птичка
Песенку поет —
Что во сне мы видим
Все наоборот.

ЖЕЛАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Приятели,
 все, кто со мною дружен,
Отложим эту встречу
 до другой.
Сегодня мне никто из вас не нужен —
Я встретиться хочу с самим собой.

Мне б только отдохнуть от вас — поймите! —
Хоть эту ночь,
 до будущего дня.
Сегодня хоть ко мне не приходите,
Сегодня хоть не требуйте меня.

Я так устал!
Вы так мне надоели!
Веселья шум и разговоров бред.
Я закружился в этой карусели:
Из дома в дом, с обеда на обед.

Я изнемог
 от этой вертихвостой
Учтивости, словесной шелухи.
Нет сил взбивать возвышенные тосты,
Произносить красивые стихи.

Витийствуя,
 творите бытие.
Чтоб из дверного черного проема
Не выло одиночество мое.

МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

О, мне бы годы юные твои!

Хамид Гулям

Давно известно: ветреная Муза
Всегда предпочитает молодых.
Маститым не завидуйте:

обуза

Признания обязывает их.

К тому же —

именитого поэта

Сто крат дороже истинный поэт.

Вы — первый луч,

Вы — зароженье света,

Незамутненный над землею свет.

Вы — в радости,

не в каторжной работе:

Искусство от души, не от руки.

Себя не выставляя на охоте,

Стоят в сторонке лучшие стрелки.

Стоять в тени!

Иному верить свету —

С невидимой уздечкою в горсти...

Увенчанному лаврами поэту

Возможно ли за истиной брести?

Увенчанному — дело не простое! —
Под лаврами клонится голова.
На тое — он вниманьем удостоен.
Отныне что ни день — то торжества.

Быть на виду —
и это справедливо! —
Поэт обязан жертвовать собой,
И всех великодушно осчастливить,
Кто счастлив собутыльничать с тобой.

Ты знаменит —
и, значит, не перечишь —
Увенчан — и не смеешь унывать!
Когда везут с младенцами на встречу:
Им чувство слова с детства прививать.

Теперь, как говорят, не поскучаешь.
(Но 'долго ль в суете не заскучать?!)
Не ты
сердца людские изучаешь —
Твои поэмы стали изучать.

А ежели пешочком прогуляться
Случится вдруг,
Как требует живот,
То станут все вздыхать и удивляться,
Что-де поэт
Не едет, а идет.

Чинов высоких
И глубоких кресел
Достигнешь, восходя не без греха.
И что ни утро: вроде что-то весил.
И что ни вечер: только шелуха,

Ах, стоит стать заметным —
и замены

Уж нет,
Дела мелькают, мельтешат.
И объявить тебя почетным членом
Стотысячного «Общества» спешат.

Как птица в гуще
путаного сада,
С куста на куст — по стульям и столам —
Скачи, поэт.

А ночью для доклада
Точи свой поэтический калам.

Всего достиг —
пределов человеческих
Желаний.

Ты уверен и мастит.
Но жар твоих стихов, не происшедших,
Холодным пеплом
На сердце лежит.

И в час, когда, по темени седому
Ладонью проведя,
своих потерь
Постигнешь меру,
Скажешь молодому:
— О, мне твою бы молодость теперь!

Маститым не завидуйте:
обуза

Признания обязывает их.
Давно известно: ветреная Муза
Всегда предпочитает молодых...

5

КАНАДСКИЙ ЦИКЛ

1. УКРОТИТЕЛЬ ЛЬВОВ

(На ванкуверском представлении)

В клетке
Огненный обруч, треща,
Продолжает алеть.
Надо львом, как змея,
Извивается длинная плеть.
Смотрит хищник гривастый
На хлыст,
Что в руке у хлыща,
И от львиного рева
Содрогается зал, трепеща:
— Эй, ничтожный!
Что хлыстиком машешь?
Что плетью свистишь?
Не буди во мне зверя,
Шкодливая мелкая мышь!
Прекрати эти выпады,
Эти прыжки и броски!
Где искать тебя станут,
Когда разорву на куски?
Если выпущу когти —
Тебя приласкать захочу, —
Я тщеславное сердце твое
Навсегда проучу.
Брызнет кровь из тебя,
Горячее,

Краснее огня.
Ну, а публика эта — толпа! —
Не спасет от меня.
Прочь, несчастный!
И обруч,
И ноги спешу унести.
Знаешь, кто ты? И кто я,
Хоть в клетке сейчас — не в чести! —
Но и в клетке я царь, —
Захочу — только челюстью клац!..
Ты же — шут,
Лишь ничтожный,
Бездарный,
Бесславный паяц.
Пьян от счастья — слепец ты,
Потомственный — раб от раба! —
Рад, что в руки тебе
Предала меня злая судьба.
Будь же проклято время,
Где честная сила и честь
Может в клетку попасться,
За прутья железные сесты!
Будь же проклято племя,
Весь этот хохочущий сброд,
Если предал он клоунам
Львиный воинственный род!
Хохочите, трясите
Тройные зады и зобы,
Над царем полоненным,
Лишенные царства рабы! —
В клетке
Обруч горящий, треща,
Продолжает алеть,
Надо львом, как змея,

Извивается длинная плеть.
Смотрит хищник гривастый
На хлыст,
Что в руке у хлыща.
Бросив хлыст,
Укротитель подходит ко льву, трепеща,
И, приблизившись, на ухо
Шепчет такие слова:
— Не суди меня ложно:
Я знаю могущество льва.
Да, ты царь!
И — ничто! —
Эти плети мои и броски.
Если бросишься ты —
Я, как грязь, разлечусь на куски.
Это было бы просто,
Да все ли решает борьба?
Словно плетку мне —
Клетку
Тебе начертала судьба.
И хоть царь ты — не раб! —
Но никто не мудрее судьбы:
И по сути мы все
Своего положенья
Рабы.
И на что мне овации,
Обручи эти в огне?
Каждый пламенный рык твой
Звучит как пощечина мне.
Только чем мне ответить
На твой справедливый упрек?
Ты и в клетке мне страшен,
Но, право,
Страшнее царек,

Мой хозяин — и твой —
Вот уж кто неказист и смешон!
Но и небо с овчинку —
Как только покажется он.
Он ничто — предо мною! —
Как сорванный лист пред травой.
Но незримая плеть
День и ночь над моей головой.
Так послушай меня!
Не ищи правоты и вины.
И пойми — мы, наверно, с тобой
Перед небом равны.
И хоть я укротитель,
Но, чести своей вопреки,
Как и ты,
Жду награды
Из подлой хозяйской руки.
А когда мне невмочь
Подчиняться куску и бичу,
Я ведь тоже рычу!
Словно в клетке, страдая, рычу...

Лев привстал,
Заметался,
Признаний не вынесши, рек:
— Прекрати, человек!
Полно сердце терзать, человек!
Да сгни это небо!
И воздух, и хлеб, и вода!

Прыгнул
В огненный обруч,
Чтоб, может, сгореть от стыда...

2. ПЕСНЯ ЗАБВЕНИЯ

(Монолог нищего)

Лежу, как падаль, на краю кювета,
Весь прочий мир
От сердца отстраня:
Мне никакого дела нет до света,
Как свету — нету дела до меня.

Я — прах и тлен;
Я век не ел и не пил —
И жизнь свою не ставлю я ни в грош.
Да сгинет ложь, да превратятся в пепел
Поднявший нож
И воспринявший нож.

Но есть душа...

А сердце помертвело:
В глазах — туман,
В пустых глазах — туман,
Друзья — туман! — кому какое дело,
Что этот век — бандит и наркоман?!

Он сыт — вот так! — добычей и враждою:
Борьба — закон,
Его закон — беда.
В конце концов, обглоданный нуждою,
Я выплюнут, как косточка, сюда.

К чему теперь
Досада и обида —
В бреду добрость, додрогнуть как-нибудь.
О, жизнь моя,
Ты жизнью позабыта!
И ты живых прижизненно забудь.

Я весь изорван,
 изнурен, исколот,
И, голода весь век не утоля,
Уже не знаю я —
Где пол, где полог,
Здесь небо?
Или все еще земля?

Откуда, где я
 сделал неумело
Свой первый шаг —
Начало всех путей?
О родина!
 Какое сыну дело
До матери,
Покинувшей детей!

Лежу и к небу
 простираю руки —
Исколотые, синие, в крови.
Как волчья песнь, мои пустые звуки,
Забвение, спустись —
Благослови!

Забывать, забыть
Мгновенье жизни этой:
Что значит перед вечностью оно?

Ни истиной,
Ни верой не согрето —
Зачем же мне тогда оно дано?..

Лежу, как камень, на краю кювета,
Последний бред
От сердца отстраня:
Забвение — и нет меня для света,
Как суетного света — для меня.

Когда из кожи лезете вы, только б
Нас красными флажками обложить...

И все ж тревожным запестрело цветом.
А надо бы в 17-м году,
В пеленках вас...

Жалеем мы об этом —
Уж так, что слов достойных не найду!

В глазах миллионера из Оттавы
Я все прочел,

пока он, лебезя:
— Как счастлив,— говорил нам,—
Что сюда вы
Приехали!
Пожалуйте, друзья!

4. ФИЛОСОФИЯ ВЫГОДЫ

По расчету, не случайно,
 не кому-нибудь другому,
Я тебе открою тайну,
 не кому-нибудь другому,
Чтобы нам не введать скуки,
 не кому-нибудь другому,
Мы себе развяжем руки,
 не кому-нибудь другому.
Будет польза от науки —
Не кому-нибудь другому.
Будет каждый занят делом,
 только мудрствовать не надо,
Помни: честным быть и смелым —
 это глупому отрада,
Будь не смелым, да умелым,
 а бесхитростным — не надо.
Разве может быть обузой
 тяжесть вызревшего сада?
Твой успех — моя награда,
Мой успех — твоя награда.
Где рука не моет руку —
 это очень плохо, братец,
А услуга за услугу —
 так и выкрутимся, братец.

Дал фискалу половину —
он язык завяжет ту же.

И ему не ломит спину,
И тебе, поди, не хуже.

Помни: меч — оружие глупых,
и щитом встречай дракона.
Кроме выгоды — поверь мне! —
нет в безверии закона.

Если встретишь крохобора —
да спасет с ладони кроха! —
Будет он вне подозрений,
сам не будешь ждать подвоха,

И ему не будет плохо,
И тебе не будет плохо.

А до чина либо сана
добредешь, в придворном списке
Первым делом,
первым самым —
придержи родных и близких,

Чтоб в порядке обороны
не давать чужим повадку,
Чтоб никто, кладя поклоны,
не кусал тебя за пятку,

Но любой из приближенных
Был опорой порядку.

Если в ком-то ясность взгляда
и движение не в ногу,

Проучи его, как надо,
дай ничтожному дорогу,

Пусть дурак слывет героем,
глупый голову натрудит:

И себя он не откроет,
и тебя он не осудит.
Хорошо дурному будет,
И тебе неплохо будет.

С этой мудростью убогой
далеко пойдешь, мой милый.
Но какие же итоги
подведешь перед могилой?!

5. МОНОЛОГ ЗЛА

Ты — хороший и добрый.
Я — зол, бессердечен, суров.
Но пока ты здоров — все в порядке! —
Я тоже здоров.
Вереломным и страстным — такие-то вышли
дела! —

А тебя — безопасным,
Беспомощным жизнь создала.
Ты — росток, я — мороз,
Я — огонь, я погибель твоя.
Ты — само бытие, я — извечная смерть бытия.
Если день ты, то я —
Беспросветная, черная ночь.
И куда ты жив, я тобой поживиться не прочь.
Я всегда беспощаден,
И я потому пощажен,
Что рожон я, а ты
От рождения прешь на рожон.
Но велик этот свет,
Где под солнцем — и добрый и злой,
По прошествии лет оба станут землей и золой.
Я — за пазухой камень,
В словах моих ласковых — яд,
А в глазах твоих слезы от этого вечно стоят.
Ты во мраке идешь,

Ты несешь свою жизнь, как свечу.
Я лукавую ложь, как ловушку, поставить хочу.

А вначале — я слабый,
Змееныш,
Пустые слова,
Но едва уцелеет — вначале! — моя голова,
А она уцелеет, где — вправе! — грабеж и разбой.
И змееныш — драконом
Тотчас предстает пред тобой.
И тогда узнаешь ты, как я бессердечен, суров,
И пока ты здоров — что поделывать! —
Я тоже здоров.
Я отменно плохой,
А вселенная всем хороша.
Но по праву живет в ней любая живая душа.
И не пробуй перечить —
Исторгнуть из цепи звено:
Я — атака, ты — бегство, и это давно решено.
Я — начальственный окрик,
Ты — робкие полуслова,
Я — и пуля и порох, — и жизнь потому такова.

Ты — хороший и добрый.
Я — зол, бессердечен, суров.
Но пока ты здоров — все в порядке —
Так будь же здоров!
И скажи мне спасибо,
Что жив ты: когда бы не я,
Не сумел бы и ты устоять на путях бытия.
Ослабел, растворился б от счастья,
Но жизнь тяжела.
Для чего б утверждалось добро,
Если б не было зла?..

ПАРОХОД «АЛИШЕР НАВОИ»

Проносится Земля в фате из облаков,
Юпитером в ночи безлунной осиянна.
Великий Алишер
 из глубины веков
Великого ее коснулся океана.

Не баловень судьбы —
 он пасынок ее,
Навалами беды испытанный жестоко.
Не сердце ли твое,
Не сердце ли твое
Стучит, о Алишер, над миром одиноко?

Навстречу всем ветрам,
 по вздыбленным волнам —
Мятежная душа — затворница и слава! —
Великий бороздит и Тихий океан,
Сама, как океан, тиха и величава.

И словно океан — в величии своем —
Высокого всегда исполненная света.
Из глубины веков
 возникнув кораблем,
Пяти материков коснулся дух поэта.

Возникнув кораблем,
 он в жизнь вошел мою
У дальних берегов Советского востока.
Сегодня на краю Америки стою,
В Ванкувере стою —
И мне не одиноко:

Он рядом — этот дух! —
 где родина вдали,
Где звезды лишь одни знакомые над нами,
В Ванкувере стоит, как часть родной земли,
Как часть родной зари —
Развернутое знамя.

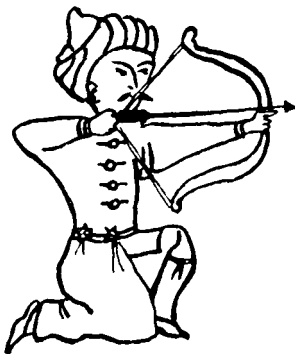
Пульсируя, как кровь, в натянутой строке,
Сбиваются слова,
 слогам противореча,
О том, как на другом — чужом материке! —
Младенческих сердец происходила встреча.

Проносится Земля
 в фате из облаков —
Наивна и юна, как с самого начала.
Великий Алишер из глубины веков
В грядущие века уходит от причала.

1977
Ванкувер,
апрель — май

6

СТОН ЗЕМЛИ

СТОН ЗЕМЛИ

Я слышу свой крик —
Словно эхо осыпалось с гор.
Всю жизнь возвращается
Эхо далекого грома.

Я слышу твой голос, отец!
Твой погашенный взор
я вижу.
— Мой сын, — говоришь ты, —
Ну, вот я и дома...
— Мой сын! — это стонет,
Я знаю, земля над тобой,
Сырая от слез
И от огненной вьюги сухая.

В сыновней судьбе
Продолжайся сыновней судьбой,
Ни музыкой смерти,
Ни музыкой битв не стихая,
Отец мой,
Я слышу тебя —
Это стонет земля,
В незажитых ранах
Набитый железом калека.

Я вижу твой взор,
Что, слежалые годы сверля,
Нет-нет да проглянет
Сквозь тучи двадцатого века.
«Отец!» — мне бы только
Губам это слово вернуть! —
И заговор времени,
Тайну забвенья разрушу.
Та пуля, отец,
Что твою окровавила грудь,
Пробила меня
И задела незрелую душу.
И кровь ли сочится?
Тоска ли? Беда ли?

Испей —

Попробуй на вкус
Эту вечную память стихии.
Отец, говори
Необузданным слогом степей,
Моими губами,
Глазами моими сухими.

Сквозь ветхую занавесь памяти,
Словно в кино,
Где старая лента — мелькая! —

стрекочет и рвется,

Бежит мое детство,
От солнца и пыли — черно,
Вдогонку за счастьем
И звонко с экрана
Смеется.
Не знает оно,
что свинцовые тучи и град
Свинцовый — над домом! —

В Дрогобыче, Львове и Бресте,
Что раненый мир —
истекающий кровью солдат —
В набат ударяет,
Металлом взывая о мести.

Шаги —
Дрожит
От тяжелых ударов сапог
Планета,
и пыль,
Как туман, устилает дорогу.
Куда эта пара — сквозь ночь ударяющих ног? —
Милльоны людей, как один,
Уходящие — «в ногу».
— Вон, видишь, отец мой!
Отец!!! —

Он проходит в строю,
Их песня походная
Будто повзводно связала.
И гибнет мой голос,
И сам я уже отстаю —
Стою, провожая,
И плачу сухими глазами.
И слышу — свистит ли? —
Кричит надо мной паровоз,
На той недоступной,
последней,
решительной ноте.
Отец мой, куда ты? Отец мой! —
ответ и вопрос:
— Куда вас увозят?!
— Куда вы так быстро идете?..—
Зеленый огонь загорается вдруг надо мной —

И я просыпаюсь,
Глазами вожу от испуга.
И мать надо мной.

Сапоги за саманной стеной
Грохочут всю ночь
От Ташкента до Южного Буга.

Крутой небосвод накален добела надо мной.
Лежу на земле —
И пылает земля под спиной.
И лук деревянный и белые стрелы в руках,
И пыль на ресницах —
Пустыни витающий прах,
И черные ноги — от пыли пустынной — белы,
И мы озоруем:
Мы, верно, глупы и малы,
Мы вольные люди — дошкольники! —
Нет нам семи,
И досыта хлебом — хоть голодно! —
Нас не корми,
Но дай нам набегаться досыта
Вдоль кишлака:
Мы горе свое, как ни странно, забыли пока, —
Отцов проводив,
Мы играем — в отцов на войне:
И конь подо мной
деревянный,
И шашка на мне,
И небо дрожит — не смотри,
Что орет детвора,
Когда в штыковую пехота идет «на ура».
Мальчишка, дрожа,
Деревянную тянет стрелу.

А где-то фашист
приложился к стальному стволу.
Как будто от боли,
шатаясь,
Упал сорванец.
А где-то над полем
Свистит смертоносный свинец.
Мы — вольные люди! —
Нам было по пять и по шесть:
Мы вовсе не знали,
Что смерть настоящая есть.
Война грохотала
Тяжелой броней вдалеке,
И эхо ее
раздавалось
В моем кишлаке...

Спускается солнце.
Над улицей пыль, как туман.
Идем, распевая:
«Пора по домам! По домам!»
Спускается ночь,
Стушевав очертания лиц.
Но сон не садится на черные стрелки ресниц.
Несут меня крылья
К звезде,
Что взошла над горой.
— Отец мой герой?
— Спи, мой маленький, глазки закрой!
— Он самый большой?.. У него пистолет в кобуре?
— Спи, баюшки-баю, косматая ночь на дворе!
— А сколько, скажи, у него орденов на груди?
— Спи, старшенький мой,

Засыпай, малышей не буди!
— А есть у него на боку серебрястый клинок?
— Спи, милый сынок,
Засыпай, ненаглядный сынок!
— А красная звездочка?..
— Спи, любознательный мой,
Он все нам расскажет, когда возвратится домой.

Сорок четвертый —
военный, безрадостный год,

Первый сентябрь —
Отчужденье высокого неба;
Кончилось детство —
Вставай спозаранок, народ:
В сумке букварь

и ломтик пайкового хлеба.

Первый сентябрь —
Словно маленький переполох
В маленьком сердце,

преддверье любви и

страдания:

Первый сентябрь — самый первый! —

Он первый порог,
Главный порожек
На лесенке шаткого знанья.

«А» — это Армия,

«Б» — это буква бойца,

Буква борьбы,

Буква «О» — голова без пилотки.

Первый сентябрь — для меня — это письма отца.

Первый сентябрь — фронтовые жестокие сводки.

Первый сентябрь — я зачитывал письма до дыр,

Вслух сочетая

Невнятные, острые звуки:

Папа, с тобой
Мы вчера повидались во сне,
Пить ты спросил — это было средь жаркого лета,—
Был ты высокий,
На белом высоком коне.
Все говорят нам,
Что верная, дескать, примета:
Конь и вода — непременно вернется солдат! —
Верное дело,
Глядите теперь на дорогу.
Видел Рустама:

 вернулся вчера его брат,
Два костыля у него.
Потерял он в бою свою ногу.
Дедушка Хол воротился.

 И маленький внук,
Тот, что ровесник мне,
Кинулся деду навстречу.
Тут бы обняться — да дед воротился без рук.
Плакал и внук, что обнять его дедушке нечем.
А у Талиба и вовсе лихая беда:
Вместо отца —

 похоронка в зеленом конверте.
Папа, родимый!
Пусть пуля тебя никогда
Больше не тронет. Мне страшно подумать о смерти.
Папа!

Пусть слово мое, отвращая беду,
Тело сокроет
 и душу твою отогреет.
Скоро вернешься ли ты?
Возвращайся скорее:
Жду тебя сердцем,
 глазами обоими жду».

Долгие ночи разлуки.
Разлуки пути далеки.
Звезды у нас высоки.
Степи у нас широки.
Чуть рассветет — выхожу

Чуть рассветет — выхожу
поглядеть, как глядят старики,
и гляжу из-под детской руки.

В дальнюю даль,
Где змеится,
Клубится дороги тесьма:
Нет ли хотя бы письма?
Нет ли хотя бы письма?
В ночь перед сном,

и в ночи,
Потеряв безмятежный покой:
— Нет ли письма? — на крыльцо
Выхожу, изможденный тоской.
Звезды. Под звездами — крыши.
А сердце слепое скулит:
Кто мое горе услышит?
Тревогу мою утолит?
«Только б дожждаться,— молю

от зари до зари,— письмеца!..»

— Брови ну как у отца!
— Очи ну как у отца! —
Так и теперь говорят

те, кто знали живого отца,

Так говорят про меня
И вздыхают:

— Лицом-то похож...

В жизни похож ли?
А надо, чтоб — в жизни! — похож...

По наставленью мудреца,
О чем твердят от века:
«Будь, мальчик, сыном не отца,
Но сыном Человека».
В невинном чине сорванца,
Шагая в ногу с веком,
Про то узнал я от отца,
А был он — Человеком.
Боль сорок первого в глазах
Стоит еще поныне.
Отец мой шел за шагом шаг,
Чтоб водружен был красный флаг
В поверженном Берлине.
Отчизну отстоял в бою —
От Волги до Дуная.
Мать гладит голову мою,
Отца припоминая.

ПРЕДАННОСТЬ

(Два монолога)

Памяти безвременно ушедшего из жизни выдающегося узбекского поэта Хамида Алимджана с посвящением его супруге, народной поэтессе Узбекистана Зульфийи.

I

Зульфийя:

— В дыму минувших лет не разглядишь былого. Все, все перемололось в пыль. Но ты так видишь, так светишься!.. И снова иду к тебе, несу тебе цветы.

Как странно — ни слезы ни обронить, как будто сердце сжалось не от боли. Былого счастья тоненькая нить былого горя перевила поле.

Переплела все эти тридцать лет, и горестных и тяжких, но не праздных. Те тридцать, что тебя на свете нет. Но сорок — ты со мной. И длится праздник

моей любви, где не подвластен ты ни смерти, ни забвенью. С нашей песней я шла и шла до дней твоей мечты по саду верности, что мы взрастили вместе,

в долину радости. Ты нам ее предрек. Там две реки, как две косы плясуньи, струятся. И сбывается зарок — теперь твоя долина в полнолуние.

Твоя дочурка — зрелый человек.
Она склонилась над строкой твоею.
И наши внуки, весело взрослея,
спешат перешагнуть двадцатый век.

А с улицы, с дворов и площадей
их голоса живое эхо множит —
растут Победы дети. Тех детей
ты ждал, ты пел. Но ты до них не дожил.

А если б дожил, то таким стихом
цвела бы наша каждая минута,
как россыпь звезд победного салюта
на твой, еще сырой могильный холм.

Все дальше, дальше молодость моя.
Ей одиноко без тебя под старость.
Все тридцать весен вопрошаю я,
где тот, с кем сорок лет не расставалась.

Ты здесь. Не разлучались ни на миг.
Года не отвели нас друг от друга.
Седые пряди в волосах моих.
Уже не молода твоя подруга.

Но все люблю тебе черешни рвать,
все слышу нашу тихую беседу.
Лежит твоя раскрытая тетрадь,
и кажется — вернешься ты к обеду.

И кажется — усталым воротясь,
в той комнате на краешке дивана
ты прикорнул. И утром, торопясь
на службу, не бужу тебя я рано.

Советуются сын и дочь с тобой.
С тобою мы — в печали и в надежде.
И каждый свой поступок, шаг любой
моя душа с твоей обсудит прежде.

Твои стихи твержу и день и ночь,
и до рассвета сборники листаю,
и первому тебе — свои читаю,
и ты писать умеешь мне помочь.

Твое — еще горячее — перо
в моей руке, и голос твой глубокий
в моей строке. Не разберешь порой —
где ты, где я и чьи пишу я строки.

Окутываюсь строфами, с тобой
одним дыханьем и одною речью.
И наша несудьба большой судьбой
и вечная разлука вечной встречей

становятся. Прошелестят года,
но не переиначат нас с тобою.
Как я могу состариться, когда
меня ты знаешь только молодою?

И все-таки, так холодно одной.
Согрей меня, вернись хоть на мгновенье.
Простерла память крылья надо мной,
благословляя верность и терпенье.

И, тлен презрев, рассеивая тень,
твои с ночного неба светят очи.
И ты, как солнце, миру каждый день
выносишь белый свет из темной ночи.

Над Родиной большой.
Где правда за душой —
Глаза открыты шире.
Ты строила наш храм,
Как чудо на крови:
И мертвый человек
В сем неуютном мире
Живет

благодаря
Живительной любви.
Ты песней назови
Года моей работы —
Веселые глаза
Наивного тепла.
Я падал глубоко.
И я запомнил взлеты.
То тяжело, то легко
Река моя текла.
И ты меня влекла
Лучистой мечтою,
Жемчужиной была
Ты радости любой --
С твоею красотой,
С твоею добротою.
А помнишь ли, мой свет,
Как свиделись с тобой?
Был полог голубой
Горяч и лучезарен,
Влюбленные глаза —
Темны и горячи.
Весь мир,
Что за спиной,—
Просторы,
Травы,

Твари,—
Светился над тобой,
Как счастья лучи.
Мы, словно две свечи,
Таинственно и свято
Горели над стихом —
Вне славы и хулы —
Сквозь ночи, что темны,
Как глаз твоих агаты,
Сквозь зори, как лицо
Любимое, светлы.
Но прерван бег стрелы,
Что только взлет
пропела,
И небо надо мной
И солнце в нем —
черно.

Я так к тебе спешил,
Что сердце
Не поспело,—
И болью, как свинцом,
Наполнилось оно.
Ах, так ли все давно?
Отчаянной волною
Распущенных волос
Потоки на плечах.
И скорбно...
В слезах...

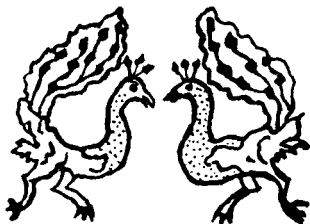
Твое лицо живое
Отражено в моих
Остуженных очах.
Мой друг,
в моих речах
Все прежнее, земное,

Душа моя
 ресниц
Касается твоих.
Твои глаза — мои.
И сердце мне родное.
А эти две души,
Как прежде, на двоих.
Тобой рожденный стих —
Бессмертие поэту,
Твои пути — мои,
Мои — твои следы! —
Творения мои,
Что разошлись по свету,
Погибли б без тебя,
Как поле без воды.
Твои, мой свет, труды
Два вдохновенья движет,
Созвучье наших душ
В делах твоей руки.
И, верно, оттого
Страницы нежных книжек
Отмечены огнем
Пылающей строки.
В делах твоей руки
Двойная мощь поэта.
И слово — как набат,
И слово — как струна.
В безмерности двойной
Да воплотится эта
Трагедия твоя,
Узбекская жена!
Мой друг,
Тебе дана
Такая сила воли,

Что славным матерям
В преданиях дана:
Ты — вынесшая боль —
Заступница от боли,
Когда кругом чума,
Когда кругом война.
Пусть счастья семена
Твои устелят тропы,
В которые войдешь —
Да светятся дома!
Родимая земля
Твои целует стопы,
И звездная к плечам
Спадает бахрома.
О Муза!
Пой сама
Стосоловным свистом —
И горе обойдет,
И спрячется беда.
Будь радостна,
 чтоб был
От радости неистов—
И я с тобой тогда!
И я с тобой тогда!
Высоко, как звезда,
И как звезда — далеко! —
Поэзию неси
На крыльях бытия:
Будь мною — и со мной! —
Ни мига — одиноко:
И буду вечно я!
И буду вечно я!

7

НАПУТСТВИЕ
МОИМ СТИХАМ
С ОБРАЩЕНИЕМ
К ПЕРЕВОДЧИКУ

ПРОВОДЫ

Ах, вы строки мои,
Ах, вы дети мои,
Ах, чумазы птенчики, крохи мои,
Соберу я вас в сердце моем, соберу,
Где всегда вы, резвясь, затевали игру.
Дайте вас приберу, приодену я вас
Потеплей, поскромней —
От завистливых глаз,
В дальний путь соберу, далеко соберу,
Где не степь и не горы,
Где город в бору —
Лунный город в бору, на ветру, на юру.
Дайте вас приберу,
В дальний путь соберу.
Хватит вам на миру босоногим шалить —
По тропинкам юлить,
По дорогам пылить,
Без забот и хлопот, без мучительных дум —
Время взяться за ум,
Время взяться за ум.
Там за дальнею далью в лесной стороне,
Вам придется подумать о завтрашнем дне,
Познакомиться с миром, что вам незнаком,
И другим, как своим,
Овладеть языком.

Ах, вы были мои, небылички мои,
Тараторушки, птенчики, птички мои,
Приласкаю я вас, приодену я вас
Потеплей, поскромней —
От завистливых глаз,
В дальний путь соберу,
В дальний путь провожу —
Сквозь счастливые слезы вослед погляжу.
Перед дальней дорогой хочу вам сказать:
Нас теснее, чем связаны мы, не связать:
Плоть от плоти — мои! —
В ваших жилочках кровь
Этой жизни, что всю вам скормила любовь.
Пусть я с каждым из вас был неласков порой,
Пусть не каждый удачлив, не каждый герой,
Пусть не каждый изящен, случилось — и груб,
Только ложь не слетала с младенческих губ,
Не изъедена кривдой свободная речь,
Пусть один длинноват,
А другой небольшой,
Но здоровые телом
И с чистой душой,
Вы с ученьем в ладу,
С увлеченьем забав
Да с родным языком на веселых зубах,
Да с народом — с обрядом его! — потому
Хоть на свадьбах ему,
Хоть на тризнах ему
Вы готовы служить,
Вы готовы служить —
В поле голову с честью за правду сложить.
Перед силою злой не склонив головы,
Будьте добрыми вы,
Будьте нежными вы,

Будьте твердыми вы, как булат, нипочем
Не клоня головы под неправым мечом.
Тараторушки, птенчики, птички мои,
Ах, вы были мои, небылички мои,
Приласкаю я вас, приодену я вас
Потеплей, поскромней —
От завистливых глаз,
В дальний путь соберу,
В дальний путь провожу —
Сквозь счастливые слезы вослед погляжу.
В той земле, что за лесом, в нездешнем краю,
Где я в руки далекие вас отдаю,
Где учитель с пером, как с указкой, в руке
Вас однажды прочтет на другом языке,
Будьте зоркими, детушки, звонкими с ним,
Не позорьте, потомки, меня перед ним,
Будьте сильные духом, душою чисты —
Не теряя высот,
Не боясь высоты,
А когда разыграетесь ярче огня,
Не упрямитесь, не мучьте его, как меня.
Будьте с ним и при нем, не теряясь из глаз,
Чтоб вживаться, вращать в перевод, в пересказ,
Быть как дома в строке на чужом языке,
С багажом, налегке —
От меня вдалеке.
Только знайте — иначе добру не быть! —
Что не должно при том обо мне забывать,
Что не должно при том о себе забывать,
Но предложенной форме свой смысл предавать,
Чтоб из тонкого острого карандаша
Неизменно — моя! —
Истекала душа.
Вы же, мастер стиха,

Переводчик, поэт,
Вы, которому древний известен секрет,
У которого легкая, видно, рука,
Что стихи

черенки одного языка —

Незаметно к другому привьет языку,
За строкою строку,
За строкою строку,
Вы, учитель птенца,

что птенца окрылит,

Что над миром лететь ему вдруг повелит,
Знайте: эти птенцы мне не просто родня:

Каждый малый птенец —

Целый мир для меня.

Выбирайте, прошу вас, любой из миров:

Наш, допустим, каркас,

Ваш, допустим, покров;

Что за счеты,

где древний известен секрет

Новой жизни строки,

Новой песни рассвет,

Где луна под шатром и стихи без конца.

Только просьбу учтите, учитель птенца:

Будьте к этим птенцам по-отцовски добры,

Не лишайте — игривых — привычной игры,

Не зовите наивностью эту игру,

Не стыдите игривость их на миру.

Выпрямляйте походку, ровняйте их стан,

Но газель есть газель,

А дастан есть дастан,

Да останется с ними им свойственный нрав:

Каждый прав только там,

где по-своему прав.

Постигая иной речевой оборот,

Пусть припомнят оружие восточных острот
И намеков...

Но в те же мгновенья и дни
Пусть учтивость восточную помнят они.
Впрочем, дело не в том, чтоб — узбекский халат,
Сапоги, тюбетейка и прочий наряд,
Дело, видно, не в этом,
И время не то —
Пусть гуляют в джинсах и в коротком пальто,
Поспевают за модой, бегут впереди —
Только б сердце узбекское билось в груди.
Ах, былинки мои,
Небылички мои,
Ах, чумазые детушки — птички мои! —
Да светлы будут ваши дороги-пути:
— Посвети-ка нам, солнце!
Луна, посвети!

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРОШЕДШИЙ ДЕНЬ

«Весна, наряжаясь...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	7
Рассвет. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	9
«Играет лучик солнца на щеке...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	10
Померкшие звезды. <i>Перевод Н. Панченко</i>	12
«Спросил я раз учителя об этом...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	14
«Открытый мной...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	16
Прошедший день. <i>Перевод Н. Панченко</i>	18
«Словно дети, боясь...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	19
Голубые лучи. <i>Перевод Н. Панченко</i>	21
На вокзале. <i>Перевод Н. Панченко</i>	24
Маятник качает головой. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	25
Ресницы. <i>Перевод Н. Панченко</i>	26
Сердце поэта. <i>Перевод Н. Панченко</i>	27
Стихи про стихи. <i>Перевод Н. Панченко</i>	28
Верность. <i>Перевод Н. Панченко</i>	31
Человек и время. <i>Перевод Н. Панченко</i>	32
Память. <i>Перевод Н. Панченко</i>	34
Часы ожидания. <i>Перевод Н. Панченко</i>	35
Глубина. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	37
Сталь. <i>Перевод Н. Панченко</i>	38
Планеты. <i>Перевод Н. Панченко</i>	39
Муравей. <i>Перевод Н. Панченко</i>	42
«Друзья...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	43

Вера. <i>Перевод Н. Панченко</i>	44
Нервы. <i>Перевод Н. Панченко</i>	48
Абай. <i>Перевод Н. Панченко</i>	49
Девочка. <i>Перевод Н. Панченко</i>	52
Озеру Куббан. <i>Перевод Н. Панченко</i>	53
«Чуть свет идет сосед...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	54

2. СОКОЛ И ЗВЕЗДА

Сокол и звезда. <i>Перевод Н. Панченко</i>	59
Юность. <i>Перевод Н. Панченко</i>	62
Лунная ночь. <i>Перевод Н. Панченко</i>	64
Ночь в Самарканде. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	66
Вступление к газетям. <i>Перевод Н. Панченко</i>	67
Родник. <i>Перевод Н. Панченко</i>	69
Все радости тебе. <i>Перевод Н. Панченко</i>	71
Всю ночь проплакал соловей. <i>Перевод Н. Панченко</i>	73
Бутон. <i>Перевод Н. Панченко</i>	74
«Над головою человека...» <i>Перевод Н. Панченко</i>	76
Прогулка за тюльпанами. <i>Перевод Н. Панченко</i>	77
Мечтать — не порок. <i>Перевод Н. Панченко</i>	78
С ресниц спустив стрелу. <i>Перевод Н. Панченко</i>	80
Из счастья трон. <i>Перевод Н. Панченко</i>	81

3. ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Экскаватор. <i>Перевод Н. Панченко</i>	85
День и ночь. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	86
Моим тезкам. <i>Перевод Н. Панченко</i>	87
О скромности. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	91
У памятника. <i>Перевод Н. Панченко</i>	92
На 9-е Мая. <i>Перевод Н. Панченко</i>	93
На дороге жизни. <i>Перевод Н. Панченко</i>	94
Поэт и хлобкороб. <i>Перевод Н. Панченко</i>	96

Слеза. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	99
Кардиограмма. <i>Перевод Н. Панченко</i>	100
Стихи и шахматы. <i>Перевод Н. Панченко</i>	104
«Я в поезде ехал, скакал на коне...» <i>Перевод А. Налбандяна</i>	106
Письмо к друзьям. <i>Перевод Н. Панченко</i>	107
Потерянное стихотворение. <i>Перевод А. Налбандяна</i>	111
Восточная легенда. <i>Перевод Н. Панченко</i>	114

4. ИРОНИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Тыква. <i>Перевод Н. Панченко</i>	121
Господь и сапожник. <i>Перевод Н. Панченко</i>	122
Железные гении. <i>Перевод Н. Панченко</i>	123
Страус. <i>Перевод Н. Панченко</i>	126
«Родился он на свет — болтливей бубенца!..» <i>Перевод Н. Панченко</i>	127
«Под лесом бродит рыжая корова...» <i>Перевод Н. Панченко</i> .	128
Дутар Матмусы. <i>Перевод Н. Панченко</i>	129
Заботы земли. <i>Перевод Н. Панченко</i>	132
Сожаление. <i>Перевод Н. Панченко</i>	136
Дети. <i>Перевод Н. Панченко</i>	137
Длинные стихи. <i>Перевод Н. Панченко</i>	141
Желание одиночества. <i>Перевод Н. Панченко</i>	145
Молодым поэтам. <i>Перевод Н. Панченко</i>	148

5. КАНАДСКИЙ ЦИКЛ

1. Укротитель львов. <i>Перевод Н. Панченко</i>	153
2. Песня забвения. <i>Перевод Н. Панченко</i>	157
3. Миллионер. <i>Перевод Н. Панченко</i>	160
4. Философия выгоды. <i>Перевод Н. Панченко</i>	162
5. Монолог зла. <i>Перевод Н. Панченко</i>	165
Пароход «Алишер Навои». <i>Перевод Н. Панченко</i>	167

6. СТОИ ЗЕМЛИ

Стои земли. <i>Перевод Н. Панченко</i>	171
Преданность. <i>Перевод Н. Панченко</i>	181

7. НАПУТСТВИЕ МОИМ СТИХАМ С ОБРАЩЕНИЕМ К ПЕРЕВОДЧИКУ

Проводы. <i>Перевод Н. Панченко</i>	191
---	-----

Эркин Вахидович Вахидов

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

М., «Советский писатель», 1980, 200 стр.
План выпуска 1979 г. № 305

Редактор *А. И. Канькин*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *А. И. Мордовина*
Корректор *А. В. Муравьева*

ИБ № 1567

Сдано в набор 06.08.79. Подписано к печати 06.12.79. А 04419. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 6,01. Тираж 20 000 экз. Заказ № 724. Цена 70 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.